Каникулы в Лондоне - 3

Под одним небом

Ирина Мельникова

Ирина Мельникова
Каникулы в Лондоне – 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44828183
ISBN 9785005045836

Аннотация

Они прошли долгий путь и стали взрослее. Он исполнил свою мечту и стал известным на весь мир артистом. Она увидела множество лиц и мест, открыла для себя ту жизнь, прикоснуться к которой многим лишь снится.Но сумеют ли они сохранить в этих ярких вспышках мгновений большое чувство и вновь оказаться под одним небом?

Содержание

Каникулы в Лондоне-3 5
Книга 3 6
Глава 1 7
Глава 2 15
Глава 3 25
Глава 4 44
Глава 5 55
Глава 6 70
Глава 7 75
Глава 8 91
Глава 9 107
Глава 10 115
Глава 11 126
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Каникулы в Лондоне – 3

Ирина Мельникова

© Ирина Мельникова, 2019

ISBN 978-5-0050-4583-6 (т. 3)
ISBN 978-5-0050-3272-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каникулы в Лондоне-3

Книга 3
Под одним небом

Выдержка из прессы:

«Говорят, они счастливы и собираются пожениться.

Говорят, они расстались. Говорят, у неё омерзительный характер. Говорят, она очень милая.

Одним словом, и не разберешь, что там у них происходит».

Глава 1

Я не знала, кто такой Ларри Таннер, и понятия не имела, как переплетёт наши судьбы жизнь.

Когда он мечтал о сцене и уже выступал со школьными приятелями на небольших мероприятиях, я училась в обычной провинциальной школе в России и даже с английским была на «Вы». Какова вероятность, что эти двое из параллельных Вселенных вообще пересекутся, не говоря уж о чём-то большем?

Но, вот, я собираю чемоданы, судорожно соображая, как бы что не забыть из вещей первой необходимости, и уже готова сорваться, поддаться панике, всё отменить.

Рисковать – это страшно. И трудно. Это шаг в неизвестность с накатанной колеи. И постоянно терзают сомнения и тяжёлые мысли, которые непременно будут тянуть в ту, старую жизнь, оправдывать её и искать положительные стороны в том, от чего прежде ты так мечтала избавиться. Потому что оно хоть и нудное, серо-унылое, а всё же знакомое и привычное. Но не оглядывайся. Вернёшься назад – больше не выберешься. Просто поверь: оно того стоит.

Это похоже на американские горки: сперва ты поднимаешься вверх, тебя несут крылья «мечта» и «надежда», а потом резко вниз – так что дух захватывает и хочется сбежать поскорее. Но потом снова вверх. И ты начинаешь к этому

привыкать. И уже не так страшно.

Мы с Ларри слишком долго к этому шли! С момента первой встречи – а я отлично его помню! – мы прожили такую красочную историю, полную неожиданных поворотов и перипетий, поддержки друзей и интриг ненавистников.

Могла ли я о таком подумать? Ответ очевиден.

Но, знаете, что я думаю? На то она и жизнь – непредсказуемая. И любовь – пусть вовсе не та история, о которой мечтаешь, которую прокручиваешь перед сном в голове, и принц не без недостатков, – но от того она ничуть не становится хуже. Она *настоящая*.

Как я жила до появления в моей жизни Ларри? Уже и не помню. Потому что своим появлением он затмил всё. Серьёзно. Я просыпаюсь каждое утро и думаю: «Какая же я счастливая!» Именно этого и ждешь от любви, не правда ли?

Каждый из нас до появления в жизни *Того Самого Человека* окружен неразличимой массой людей. Некоторые из них имеют для нас какое-то значение, но это люди, с которыми мы иногда сталкиваемся, порой общаемся, и ничего больше. Как только мы перестаём их видеть, они начисто исчезают из нашей жизни. Но однажды мы смотрим на человека и внезапно видим его таким, каким никогда не видели раньше. Как если бы на картине, где все люди нарисованы чёрным и серым карандашами, однажды кто-то нарисовал ещё одного человека – красным маркером. Всё остальное по-прежнему было бы серым, кроме него – одного-единственного.

Знаете, какую мысль я недавно увидела в книге? Только там было про женщину, я переделаю. Пока мы не полюбим мужчину, мы окружены мужчинами и женщинами. Но когда мы отдали своё сердце единственному мужчине, то для нас есть только Он – с большой буквы, – и просто люди.

Позади раздался звуковой сигнал, затем повторился снова. Ларри хотел пообщаться. Я улыбнулась и поспешила ответить, плюхаясь на кровать и радуясь долгожданной передышке. В этом бардаке уже невозможно мыслить логически. Если я вообще когда-то умела это делать.

В Нью-Йорке, где он сейчас находится, четвёртый час утра, и я первым делом интересуюсь, почему он не спит. Ответ прост и вполне предсказуем: только что вернулся. Со съёмок, репетиции, из студии – варианты бывают разными, но тому, что он спит всего пять-шесть часов и ухитряется высыпаться, я не перестаю удивляться. Мне восемь часов мало. Может, это со мной что-то не так?

Мы проболтали около часа. Я успела выдать свои сомнения и страхи, он, как обычно, меня утешал. Мы обменялись признаниями в любви, после чего последовало неизменное: «Как же я скучаю!». Сегодня эта реплика принадлежит Ларри, так что я с видимой лёгкостью парировала:

– Радость встреч была бы не полна
Без щемящей горечи разлук.

Эта строчка стихов Вероники Тушновой в переводе на английский смотрится как-то куце. Ларри не понял, выдавил

улыбку. Рассказал про подарки от фанатов, которые доставляют ему домой – и в Лондоне, и в Лос-Анджелесе. Ну и фантазия у людей! Например, недавно ему передали фарфоровую куклу-двойника. А ещё – туалетную бумагу с текстами его песен (ну это как-то не смешно, честное слово). Пару раз дарили животных, пришлось отдавать в добрые руки. Даже шимпанзе. Это было ещё во времена Пола, так что это живое существо пристраивал по назначению бывший менеджер Ларри.

Под конец он стал всё чаще зевать, и скрывать, что с трудом держит глаза открытыми, было уже практически невозможно. Я буквально силком заставила его идти спать, обещая, что скоро мы наговоримся до упаду, так что обсуждать будет нечего.

– Ну, это вряд ли, – улыбнулся Ларри, и даже через бесчувственный экран планшета я видела, какой теплотой лучатся его глаза.

– Я люблю тебя, – повторила я снова, а затем пожелала спокойной ночи и первой нехотя прервала связь.

Скайп создаёт иллюзию близости. Вот он, любимый человек, на экране: говорит со мной, улыбается, шутит. А выключается картинка, и ты снова один. И снова как будто живой тоской оживают эти тысячи километров между нами.

Я с тоской в сотый раз оглядела беспорядок в своей почти уже бывшей комнате. Не хочу снова за это браться. Знаю, придётся, но отложить можно.

Позвонила маме.

Мы поговорили с ней всего пару минут, а затем тема, как обычно, съехала в сторону переезда и отношений с Ларри. Конечно, родители переживают. Но они дали мне право выбора, и это лучшее проявление их родительских чувств. Гораздо важнее, чем если бы они твердили: «Куда ты? Одумайся! Он тебя бросит! Это чужая страна! Мы больше твоего знаем». Мои родители дарят заботу. В больших количествах она превращается в гипер-опеку и портит жизнь всем. Хорошо, что в случае с нами это не так.

Мы вспомнили о том, как Ларри впервые приехал знакомиться с моими мамой и папой, и посмеялись. Потому что это незабываемо.

– Добри ден, – старательно выговорил Ларри, забывая подать руку папе, потому что в Великобритании мужчины практически не пользуются рукопожатием.

Затем смутился, и на протянутую руку моего отца ответил тем же.

– Переводи, – постоянно кивал он мне, поначалу явно чувствуя себя не в своей тарелке. Чужая страна, чужой язык, чужие люди. Не представляю, что он испытал. Мне было проще. Когда я приехала в Лондон, я неплохо знала язык и никому не стремилась понравиться.

– Папа интересуется, как мы добрались.

– Хорошо, – с жутким акцентом самостоятельно ответил мой парень, и все заулыбались.

Мы ехали на машине: впереди – родители, сзади мы с Ларри. Такая непривычная картина. И вместе с тем невероятно приятная: два совершенно разных мира объединились, все мои любимые люди – рядом.

Я тайком наблюдала за реакцией Ларри. Мне казалось, ему было интересно. Он не отрываясь смотрел в окно, и когда я осторожно переплела наши пальцы, взглянул на меня и улыбнулся.

Кажется, я была напряжена не меньше, потому что постоянно думала о том, как сделать так, чтобы всем было комфортно. Чтобы Ларри не чувствовал себя обделённым и родители, с которыми мы так давно не были вместе, могли вновь ощутить, что дочь рядом, и любит их даже несмотря на преграды в виде огромных и всё более увеличивающихся расстояний.

Но, кажется, всё прошло не так уж и плохо. По крайней мере, все сделали вид, что остались довольны. И мама уже была настроена не столь категорично против «всяких там иностранцев».

Почти всю обратную дорогу до Москвы мы с Ларри молчали. Были пресыщены впечатлениями и не особенно нуждались в разговоре.

Я вспоминала наши моменты. Те, что мы пережили вот только что, и те, что давно уже канули в лету, но навсегда останутся в памяти.

Мы давно научились хорошо понимать друг друга и чув-

ствовать себя комфортно просто рядом, даже когда молчим. Научились поддерживать друг друга в любой ситуации и находить нужные слова. А если и это не помогает, есть работающее на сто процентов средство – объятия. В этот момент я решила, что в случае возникновения споров и ссор я просто подойду к нему и обниму – и сразу вся злость сойдёт на нет. Ведь это главное: мы вместе. Мы любим друг друга.

Почему я согласилась уехать в Лондон? Я никогда не мечтала об этом.

Для меня это была абсолютно новая, неизвестная и захватывающая жизнь. Не та, которую люди обещают себе начать с понедельника или с Нового года. У этой обратного пути нет.

Уверена ли я в том, что у меня – иностранки – там все получится? Нет.

Уверена ли я в том, что готова рискнуть ради Ларри? Да.

Я застегнула чемодан, ещё раз проверила билеты и паспорт, положила их на край стола, переоделась в пижаму и выключила свет.

Завтра будет непростой день. Непростой, но очень интересный. И сейчас мне нужно хорошенько выспаться.

Постараться, по крайней мере.

Потому что завтра… Каким же манящим может быть это волшебное слово – «завтра»!

Интересно, ждёт ли его Ларри так же сильно, как я?

Уверена, ждёт.

И я. Очень жду.
Очень-очень.

Глава 2

Эсэмэска, полученная с утра, не придала храбрости. Ларри сообщил, что не сможет встретить в аэропорту. Не то чтоб это было новостью, тем более при его графике, да и пару дней назад он уже предупредил, что, скорее всего, так и будет, но я надеялась до последнего. В том сообщении было ещё много разных слов о том, как он меня ждёт и желает лёгкого полёта. Я коротко ответила о том, что уже выхожу и жду-не дождусь нашей встречи (ничуть не лукавила), выпила кофе, хотя нервный мандраж был такой силы, что я едва впихнула в себя бутерброд с сыром (лететь с пустым желудком четыре часа – не лучшая идея). Затем взяла чемодан, подкрасила губы и подмигнула своему отражению в зеркале для пущей уверенности. Её, конечно, не прибавилось, но я шестым чувством ощущала, что всё делаю правильно. Не знаю, как описать. Вот вроде волнуешься (как и всегда перед чем-то значительным, влекущим за собой перемены), но знаешь, что это – желанный шаг в правильном направлении.

Игнорируя лифт, в целях безопасности спустилась вниз по порожкам. Вышла из подъезда, прямо физически ощущая, как оставляю прошлую жизнь за спиной. Такое уже было со мной однажды, когда я ехала в неизвестность – в Москву. Тут меня совсем никто не ждал, но это была моя страна и люди, по сути, те же. С Лондоном история совсем дру-

гая, но там Ларри, и я не имею права колебаться. Я как жена декабриста. Только условия несравнимо лучше, конечно. Если не считать одного момента: это очень нелегко, когда на твоего парня прыгают, лапают, плачут от одного его вида и желают заполучить в мужья всеми правдами и неправдами. Моя же жизнь – за кулисами, и я давно это знаю. Я больше не стремлюсь давать интервью, рассказывать о себе и о Ларри. Он сделает это сам. Он лучше справляется. Я – та, с которой он может быть самим собой. Как тёплое одеяло, согревающее в ненастье и напоминающее о доме. И это несравнимо лучше – быть для кого-то уютным домом.

Можно, я не буду рассказывать о том, как прошли первые дни (и даже недели) в Лондоне? Всё смешалось в один клубок, где радость и грусть, страхи, сомнения и уверенность в том, что я справлюсь, переплелись в один тесный клубок. Поначалу я плакала почти каждый день. Иногда не по разу. Путалась в улицах, потому что прежде по городу меня либо возили, либо сопровождали. Но даже это было уже почти два года назад!

Я никак не могла сообразить, куда нужно идти. Интернет-карты давали противоречивые сведения. Общение с прохожими сводилось к тому, что каждый второй отмахивался или оказывался неместным.

Раз десять я свернула не туда.

Изможденная, вернулась домой через два с половиной часа, хотя весь маршрут при наличии знаний и навыков за-

нял бы не более получаса.

Так завершился мой первый поход в магазин.

Это я молчу ещё о том, что каждый продукт питания мне приходилось переводить в уме из фунтов в рубли и ужасаться, выбирать из двадцати сортов огурцов самые лучшие (а как, если все они на вид почти одинаковые?), и смириться с тем, что магазины здесь не круглосуточные.

Это позже я уразумела, где и на чём можно сэкономить, куда лучше ходить закупаться, в какие дни распродажа и прочие полезные мелочи. Только потом я познакомилась с семьёй, где жена была русская и всего на пару лет меня старше.

А пока приходилось выживать в одиночку и делать вид (перед Ларри особенно), что жизнь прекрасна. Благо, общались мы в основном через современные средства связи и сделать это было несложно. В общем-то, в плане наших с ним отношений всё не очень-то поменялось, потому что теперь большую часть времени он проводил не в Лондоне, а в Америке, и между нами по-прежнему было пресловутое расстояние – целый океан и разные часовые пояса.

Вторая проблема, с которой я столкнулась: отсутствие работы. Вообще, у меня была виза именно по приглашению, но это неправда. Подруга Ларри, которая сама переехала недавно в Лондон и помогала мне с документами, подсказала, как побыстрее оформить визу, но реальная моя работа заключалась во фрилансе, а это далеко не постоянный зара-

боток. А ведь за комнату в студенческом общежитии нужно платить каждый месяц, и постоянно что-то кушать, и передвигаться по городу.

В общем, дела шли совсем не так радостно, как я рассчитывала. Поэтому я, чтобы отвлечься и проводить время с пользой, начала изучать город. Ногами. Дёшево и сердито, что называется. В солнечный день выходила гулять и шла, куда ноги ведут. Так интересно было смотреть, как жители туманного Альбиона выбираются в парки целыми семьями, загорают и устраивают пикники прямо на траве, выгуливают питомцев (в Великобритании они есть, пожалуй, у каждой второй семьи), и выглядят абсолютно счастливыми.

Сидя на площади Пикадилли и в Гайд-парке среди туристов, говорящих на всех языках мира, я перерыла весь Интернет в поисках подходящей работы. Можно было устроиться продавцом или разносчиком газет, гувернанткой или репетитором по русскому языку, но мне всё же хотелось заниматься фотографией. Поэтому я размещала свои работы на всевозможных сайтах, отправляла резюме, щедро снабдив самыми удачными на мой взгляд, кадрами, и первые пару месяцев не умерла с голоду только благодаря фрилансу – подрабатывала на мелкомасштабных мероприятиях, делала фото зверюшек на радость хозяевам. Но душа жаждала чего-то гораздо более грандиозного и стоящего.

Конечно, Ларри об этом не знал. Он и так периодически пытался подбросить мне денег, но я яростно протестовала,

хотя жизнь в Лондоне ужасно дорогая. И всё равно почти после каждой встречи находила небольшие, но существенные для безработной (фактически) иностранки суммы, на которые можно было свободно прожить неделю, а если не слишком шиковать, то и дольше. Он как-то ухитрялся подбросить мне их в сумочку или оставить конверт в ящике тумбочки.

А ещё присылал цветы. Очень красивые, искусно составленные букеты. И иногда – конфеты. Очень вкусные.

Но мне всё равно его не хватало. Мы так редко виделись! Пару раз в месяц. И это было ещё одной причиной для моих слёз, которые я никому не показывала.

Жизнь складывалась отнюдь не так, как я себе представляла.

Маленькая комнатка в огромном общежитии в Лондоне, где живут сотни студентов из разных стран и мечтают остаться в городе навсегда. Каждый, абсолютно каждый строит планы и верит, что ему обязательно повезёт. А как же без веры? Мне повезло, я встретила Ларри, хотя, если мыслить логически, у нас не было никаких шансов даже на встречу, не говоря уж о чём-то большем. Но есть случайности, которые на самом деле являются промыслом Божьим, и которые меняют всю нашу жизнь.

Именно так я себя убеждала: «Мне повезло», – когда было совсем уж тоскливо и горько. Йогурт на завтрак, кусок пиццы или спагетти на ужин, съёмный уголок в десять квадратных метров, звонок от Ларри один или, если получится,

два раза в день. Он в Лос-Анджелесе. Или в Нью-Йорке. Или ещё где-нибудь на гастролях. Стабильной и приносящей радость работы у меня тоже нет. Для дополнительного заработка стала подрабатывать репетиторством – учить иностранцев русскому. И сама поднабралась от них разных словечек. Так, к концу сентября я уже знала несколько фраз на бразильском, испанском и японском языках. И обзавелась новыми приятелями, что не могло не радовать.

Что ещё есть из плюсов? Ну, Лондон за окном, конечно, не может не радовать. Погода тут, конечно, своеобразная, но я очень люблю его, правда.

Через три месяца безуспешных поисков мне наконец повезло. На электронную почту пришло письмо с приглашением на работу. Это оказалась небольшая, недавно открывшаяся компания, состоящая из молодых людей примерно моего возраста, которая организовывала праздники: детские утренники, дни рождения, юбилеи, девичники – что угодно. В команде были два аниматора, сценарист, фотограф (собственно, я), оператор и пиарщик. На самом деле, функций на каждого из нас было возложено гораздо больше. Мы своими силами искали предложения от потенциальных клиентов, приглашали декораторов, знакомились с флористами и выбивали себе скидки, нанимали актёров, танцоров, профессиональных вокалистов, собственноручно шили наряды и лепили декорации. Это отнимало кучу времени, но приносило доход и радость. Мы все были поглощены идеей, и предло-

жений становилось всё больше.

Прознав про мою связь с Ларри Таннером, мне пару раз намекнули: «Вот было б отлично, если б он нас смог пропиарить». Но я категорично каждый раз заявляла: нет. Ларри участвовать в этом не будет. Не стану использовать его в корыстных целях. Даже заикаться об этом не буду. И тему замяли.

А ещё я продолжала погружаться в британские традиции. Например, посетила английский завтрак, который специально устраивают в одном из отелей для всех желающих.

Не знаю, насколько это относится к реальной жизни местных жителей (надо у Ларри спросить), но нам объяснили (на очень бодром английском с сильным британским акцентом, так что даже я со своим неплохим уже уровнем знания языка не все слова уловила), что английский завтрак – такой же символ Великобритании, как Биг Бен, королева или красный двухэтажный автобус. Он обычно включает в себя яичницу-глазунью или омлет, пару жареных сосисок, несколько ломтиков жареного бекона, фасоль в томатном соусе, тосты с джемом и жареные шампиньоны.

В качестве напитка английский завтрак дополняет стакан апельсинового сока и чашка кофе или чая с молоком. Каждый из вышеперечисленных элементов – традиционная британская пища: сытная, калорийная и незамысловатая.

И даже несмотря на то, что британцы уже давно перестали питаться так каждый день, они по-прежнему считают это

блюдо своим национальным достоянием.

После такой вкусной экскурсии я отправилась на работу – в наш небольшой, но очень уютный офис в западной части Лондона, где нас поджидал очередной мозговой штурм, который мог затянуться до полуночи и даже дольше. Поэтому по дороге я заглянула в магазин и купила несколько бананов и упаковку йогурта. И прямо у кассы меня застал звонок Ларри. У него был незапланированный выходной – самолёт в Лос-Анджелес задержали, а потом рейс и вовсе отменили из-за неполадок с транспортным средством. Ларри был взвинчен. Хотел записать пару новых песен в студии, а тут – на тебе, все планы рухнули.

– И где ты сейчас?

– В Нью-Джерси.

– А там-то как оказался? – ахнула я, придерживая телефон плечом и сгребая свои покупки.

– Приехал. На машине.

– И как там? – спросила я, стараясь проникнуться и представить, что я рядом с ним. Но не так уж это и просто, когда ты стоишь посреди шумной улицы Лондона и пытаешь сообразить, в какую сторону тебе сейчас повернуть.

– Превосходно. Здесь есть всё, что нужно для счастья: тёплый океан, чистый пляж, белоснежный песок, огромное количество развлечений. Но кое-чего не хватает.

– Чего?

– Тебя, – выдал он, и я грустно улыбнулась. – Ты сей-

час где?

– Еду на очередной мозговой штурм. Сложный заказ. Пара в годах хочет устроить неповторимую годовщину свадьбы и выдвинула так много условий, что даже к фотографу у них заранее есть претензии, – усмехнулась я, наконец поворачивая на нужную улицу и спускаясь в метро.

– Как бы я хотел забрать тебя с собой.

Я бы тоже хотела этого, Ларри.

– Знаешь, что? – выдал он в следующую минуту. – У меня есть к тебе одна просьба. Закрой глаза.

– Что? – от недоумения я даже приостановилась на секунду, и следующий за мной по пятам молодой человек едва не врезался в мою спину.

Я выдала привычное для местных жителей «sorry» и ускорила шаг.

– Зачем?

– Можешь просто сделать это?

– Хорошо.

Я как раз остановилась на платформе и в ожидании поезда честно закрыла глаза, невзирая на окружающих. Уверена, никому и дела до меня нет. Даже если в следующую секунду Ларри вдруг попросит меня здесь лечь, я так и сделаю.

Хотя вряд ли.

– А теперь представь, что ты сейчас на берегу океана вместе со мной. Мы держимся за руки, и мои пальцы скользят по твоей ладони.

Честное слово, я почти физически ощутила это – такой магической силой обладает его удивительный бархатный голос.

– И там на берегу океана ты открываешь глаза и видишь, как летают чайки. И слышишь, как шумят волны. И небо… ты видишь небо. Какое оно?

– Какое?

– Представь. Что ты видишь? – настаивает он.

– Нежно-лазурное.

– Хорошо. Таким оно и будет, когда мы вернёмся сюда вдвоём.

– Обещаешь? – хриплым голосом переспросила я.

– Обещаю, – повторил за мной он.

В этот момент пространство вокруг вздрогнуло от резкого потока воздуха. Поезд метро пронёсся мимо и радушно распахнул двери большому потоку людей.

Я быстро попрощалась с Ларри, хотя мне совсем не хотелось этого. Но он обещал приехать через несколько дней, и я ему верю. Я очень этого жду.

Так сильно, что, может быть, время смилостивится над нами и начнёт идти чуть быстрее.

Глава 3

Ларри давно уже не приезжает в Лондон просто так. По крайней мере, с тех пор, как я сюда переехала, этого ещё не случалось.

Ну, если не считать того счастливо-несчастного случая, когда он ухитрился упасть на лестнице и повредить ногу, и мы с ним провели много времени вместе. Тогда мне казалось, что это вознаграждение за длительное терпение, и я радовалась каждой минуте вместе.

А потом всё закончилось. И Ларри снова остался в моей жизни как призрак из скайпа, голос из телефонной трубки и счастливое отретушированное лицо с обложек журналов.

В этот раз поездка была запланирована в связи с выходом на экраны фильма о его жизни.

– Я не такой уж великий музыкант, чтобы обо мне снимали кино, – смущаясь, признавался он во всех видео-интервью. – Но людям это почему-то интересно. Поэтому я решил порадовать своих поклонников.

А его между тем назвали самой яркой звездой Великобритании последних лет. И награда «Лучший артист года» тоже досталась ему – в очередной раз.

Этот фильм изначально планировали просто выпустить в YouTube на радость фанатам, но американские продюсеры Ларри, предвидя грандиозный успех, решили выкачать

пользу по-максимуму, за что их, конечно, нельзя упрекать, потому что шоу-бизнес – это, в первую очередь, бизнес.

Ларри звал меня на премьеру, хотя мы оба понимали, чем это чревато.

– Я хочу, чтобы ты там была, – настаивал он.

И его уверенность поколебала моё неверие. Ну увидят меня там, и что? Он ведь тоже понимает это? И всё равно хочет, чтобы я была рядом.

Поэтому я согласилась.

Но «быть рядом» не получилось. Администратор, рассаживающая гостей в зале, выделила мне место далеко от съёмочной группы и главного героя, и это меня немного расстроило, хотя я и убеждала себя: «Чего ты хотела? Что тебя посадят по правую руку от Ларри Таннера? А кто ты? И что из себя представляешь?».

Зато мы мило переписывались до начала фильма, и это меня немного взбодрило.

Каждый из команды сказал вступительные слова, в основном обращённые к Ларри. Сам парень тепло поблагодарил команду, которая старалась как можно меньше мешать ему вести обычную жизнь, и заметил, что это был «необычный эксперимент».

На ехидный комментарий из зала, не хочет ли он повторить этот опыт, Ларри улыбнулся, замялся на мгновение и провёл рукой по волосам – ох, как хорошо мне знаком этот жест!

– Возможно, когда-нибудь, – ответил уклончиво. – Когда мне будет что рассказать.

После этого все расселись по своим местам, свет в зале погас… Как же я люблю этот момент! Когда вся магия вот-вот начнётся, и ждать уже больше не надо, но вместе с тем ты пока не догадываешься, какими будут первые кадры и что тебя ждёт.

Кинозал был потрясающим: мягкие кресла-мешки, оранжевые пледы, напитки в очень высоких и узких стаканах с трубочками и мягкий ковёр под ногами, так что хотелось разуться и ощутить его босиком, но я воздержалась.

Шум в зале стал понемногу стихать. Я убрала телефон подальше, чтобы не отвлекаться, и затаила дыхание. Небольшое волнение охватило меня при мысли, что я сижу на уникальном просмотре – это премьера фильма о жизни Ларри. Изнанка, которую я, как и многие поклонники, не вижу.

И сам он в зале. Так близко…

Хотелось вскочить и броситься к нему, туда, ещё ближе. Я так соскучилась!

В этот момент на экране появились первые кадры. А точнее, слова, выведенные витиеватым шрифтом:

«Если ты веришь во что-то – иди до конца…»

– Когда ты решил стать музыкантом?

Мы ещё не видим Ларри, мы слышим голос ведущего. А перед нами – пробуждающийся Лондон, живущий своей собственной жизнью.

Такое начало вполне пришлось мне по душе.

– Иногда мне кажется, что я родился с этой мыслью. Не знаю. Мне сложно ответить на этот вопрос.

– Но ты всегда был уверен, что будешь заниматься именно музыкой?

– Да.

– Даже когда опускались руки?

Небольшое молчание. А после уверенное:

– Да.

И вот – огромная сцена, ликующие фанаты, крики и слёзы. И Ларри на сцене. Я узна*ю* это место. Концертный зал Альберт-холл в Лондоне – там прошло первое большое шоу Ларри. Я помню, как он волновался. А это было уже больше двух лет назад.

Мужской голос за кадром вписывается в эту картину вполне гармонично:

– Его жизнь полна красок. Концерты и съёмки, грандиозные шоу по всему миру и завораживающие фотосессии – невыносимая яркость бытия. Он собирает всевозможные музыкальные премии и награды…

Картинка меняется. Ларри под вспышки камер говорит что-то в микрофон, держа в руках статуэтку – это, кажется, из того же периода, во времена Пола.

– …влюбляет в себя всё больше девчонок…

Объятия с поклонницами. Я уже не ревную. Почти.

– Но никто и никогда не знал ещё его *так* близко.

И вот на экране сегодняшний Ларри, сидящий в студии в светлой рубашке с подвёрнутыми рукавами – не изменяя себе, не изменяя стилю. Скромно улыбается.

– Я очень дорожу своей жизнью. Каждым часом. Каждым мигом.

– Но при твоей жизни разве удается замечать время?

Короткое молчание. Ведущий, которого мы до сих пор не видим, задает новый вопрос, будто перебивая сам себя.

– Что самое сложное в твоей профессии?

– Оставаться самим собой, – задумчиво говорит Ларри.

И вот теперь мы видим название: *«Be yourself» – «Быть самим собой»*.

На стене – там, на экране, – загорается красная кнопка «Запись», и студия преображается. Ларри за стеклом исполняет одну из самых известных своих песен – «Утро с тобой». Это длится секунд двадцать или, может быть, тридцать. Затем звукорежиссёр говорит, что всё здорово (я не очень понимаю некоторые профессиональные слова, но смысл уловила), а Ларри сомневается:

– Может, перезаписать ещё раз?

Но его уверяют:

– Всё классно, чувак. Иди, послушаем.

И они слушают. А я любуюсь крупными кадрами сосредоточенного лица Ларри Таннера. Моего Ларри.

Звук постепенно затихает, и вновь появляется Ларри в студии, отвечающий на вопросы интервьюера.

– Расскажи о себе.

Он улыбается и покачивает головой.

– Я обычный скромный парень из Лондона.

– Ты забыл упомянуть «талантливый».

– Ну да, чуть-чуть талантливый.

Дальше идёт небольшой рассказ о детстве Ларри. О том, как трудно он проходил путь к успеху. Как проваливался на кастингах. Как много раз слышал о том, что он посредственность и ему нужно лучше петь и много работать.

Потом на экране появляется его семья. Мама, которую просят рассказать, какой Ларри в жизни и что любит больше всего.

– Спать и есть, – заявляет она. – Но так получилось, что в последние годы он почти не спит и не ест, – Трейси смеется и пожимает плечами.

– Он был домашним мальчиком?

– Ларри? – кажется, она удивлена. – Да его никогда дома не было. Он вечно горел какой-то идеей, а если и бывал дома, то тоже был занят: играл на гитаре или учил уроки. Дома за просмотром фильма с ним не посидишь. Его постоянно тянет покорять мир. Так что девушке Ларри нужно быть готовой к тому, что прямо на свидании он вдруг решит прыгнуть с парашютом.

Я улыбнулась. Мы с парашютом не прыгали, но совершали массу других глупостей.

Потом показали бабушку Ларри (я и не знала о ней!). Се-

довласая сухонькая старушка, которая смотрела не в камеру, а на говорящего и, кажется, мечтала поскорее уйти, но всё равно улыбалась.

– А вы были на концерте своего внука?

– Нет. Я смотрю их по телевизору. Девчонки всегда так громко кричат! Но когда-нибудь я вставлю бируши и обязательно приду.

В зале раздаётся смех. Бабушка Ларри сразу становится моей любимицей, и я уже знаю, о чём попрошу Ларри, когда мы выйдем из зала. Хочу познакомиться с ней.

Ларри в это время, пока у членов его семьи берут интервью, возится со щеночком в холле, и оператор успевает запечатлеть этот кадр – такой милый, что от нежности защемило сердце.

– Нам пора, – заявляет вошедший в дверь мужчина. Кажется, это администратор или кто-то ещё из новой команды Ларри. Я сомневаюсь, видела ли его прежде, но догадываюсь о его роли.

Ларри покорно встаёт с колен, оставляя щенка в покое. Обнимается с мамой и бабушкой, друзьями (какие-то его кузины, о которых я прежде не знала), и идёт к выходу.

В дороге ему вновь задают вопросы.

– Ты вернулся в Лондон, как он тебе?

– Я и забыл, какой он красивый. В Лос-Анджелесе тоже классно, но там другая атмосфера. А Лондон – это мой дом. Он родной и уютный. Можно идти по улице в огромной ду-

рацкой шляпе, и люди только скажут: «Смотрите, идёт парень в огромной дурацкой шляпе».

– Это из-за тумана?

Ларри смеётся.

– А за границей тебя часто узнают?

– Часто. Вот недавно я гулял по пляжу недалеко от своего дома в Америке, и ко мне подошла девушка: «А-а, вы же этот…», – он пару раз щёлкнул пальцами, изображая ту самую девушку, на которую так некстати напала забывчивость. – «Ну, там… Утро с тобой, и я готов остаться навечно…» – напевает. И продолжает говорить уже от своего лица: – «Да, да. Это я». И плечи так сразу расправились.

Он снова смеётся, и я невольно улыбаюсь.

– Вы познакомились?

– Ну-у…

Что?

– Девушка атаковала, – снова смеется. – Но я всегда могу сослаться на то, что у меня запись в студии, а завтра гастроли. Вы понимаете.

– Значит, ты влюбляешь в себя всех девушек, с которыми общаешься?

– Нет, – отрицает он и качает головой.

– А сам часто влюбляешься?

Уголки его губ становятся шире, но он не спешит с ответом.

– Бывает.

– А сейчас?

– Я так скажу: любовь всех настигнет и все будут счастливы. Я в это верю.

И кадр снова меняется. Теперь мы видим среди огромной толпы фанатов девочку лет пятнадцати, которая плачет от счастья, а её мама поясняет:

– Ларри специально для Анны-Марии выучил несколько слов на языке жестов, и они смогли немного пообщаться. Моя дочь его поклонница с самого начала.

В этот момент девушка что-то показывает на языке жестов, и её мама поясняет:

– Она говорит, что очень счастлива.

Слово дают еще нескольким поклонницам. Большинство из них находятся под воздействием эмоций и не могут говорить связно.

Потом в толпе появляется Ларри, пробирающийся к автомобилю с двумя охранниками, в рубашке с короткими рукавами и солнцезащитных очках, и всё внимание сразу же переключается на него. Толпа начинает напирать, и я отлично помню это неприятное чувство.

Ларри машет им и быстро ныряет в машину. Автомобиль трогается. Фанаты кричат.

Жесть.

Изображение быстро перемещается вверх, к тёмному небу, и расфокусируется.

И вот уже утро. Занавески едва заметно колышутся от вет-

ра, камера плавно смещается в сторону бесформенного месива из белых простыней и подушек, в которые Ларри закутан почти с головой – только несколько прядей русых волос видны.

Рука оператора тянется и толкает его в бок – ну, я предполагаю, что в бок, потому что вообще не понятно, где тут что.

Ларри мычит. И получает новый тычок.

– Ну что? – поднимает голову и спросонья пытается раскрыть глаза. Получается довольно смешно. И мило. – Сколько сейчас?

Тянется к телефону и со стоном падает на кровать.

– Четыре часа утра. На улице холодно. Я не хочу вылезать из постели и не хочу никуда идти. Я хочу спать.

А вот теперь мы видим того самого человека, которого я приняла за администратора Ларри. Оказывается, это его тур-менеджер.

– Иногда он вёл себя как маленький капризный ребенок, но всё-таки чувство ответственности в нём всегда побеждало.

И вот уже – съёмочная площадка. Огромное пространство, зелёные стены. Вокруг царит оживление. Последние приготовления перед тем, как включатся камеры.

Гость прямого эфира приехал буквально пару минут назад, и теперь съёмочная группа носится вокруг него, закрепляя микрофон, проговаривая сценарий, накладывая грим, уточняя какие-то вопросы. И всё это одновременно.

А знаменитая британская телеведущая в это время, стоя в сторонке, негромко дает комментарий:

– Я давно знаю Ларри. Его практически невозможно поймать.

– Но сегодня вам удалось?

– Да. Мы улучили хороший момент как раз после того, как в его жизни завершился очередной концерт, и он вернулся в Лондон, и перед тем, как в небо поднимется очередной рейс с ним на борту.

– Как думаете, почему он пользуется такой бешеной популярностью?

– Полагаю, здесь нет никакого секрета. Он просто очень талантливый, обаятельный, и очень много потрудился над тем, что имеет сейчас.

Далее мы видим само интервью. Камера снимает из-за кулис. В студии сидят зрители (зрительницы, если говорить предельно точно). Ведущая и гость в мягких креслах цвета топлёного молока друг напротив друга.

Фрагмент эфира длится минуту или две, но я запоминаю только последний вопрос, потому что в этот момент Ларри искренен и задумчив – так, что невозможно не залюбоваться им. И не поверить. Я знаю, что он говорит от чистого сердца.

– Каково это, осознавать, что люди знают о тебе всё?

– Раньше я так и думал. Мне казалось, что каждый человек знает о каждом моём шаге. Теперь я так не думаю.

– Почему? – удивляется ведущая.

– Есть вещи, которые принадлежат только тебе: какие-то мысли и чувства, даже поступки – их тоже можно скрывать. Хотя я всегда предельно искренен со своими поклонниками, это не значит, что я рассказываю абсолютно всё или выкладываю это в свой Инстаграм.

– Что ты хочешь этим сказать?

Наверное, она ждала какого-то признания, горячего эксклюзива. Но Ларри не изменил своей непосредственности и какой-то манящей грусти, сквозившей в его взгляде в этот момент.

– Людям кажется, что они тебя знают, но на самом даже ты сам себя не до конца изучил.

Долго задумываться над этой фразой нам не дают.

Новый кадр – огромный концертный зал в Нью-Йорке, где у Ларри не так давно был концерт. Саундчек. Музыканты настраивают свои инструменты, Ларри разгуливает по сцене, останавливается, переминается с пятки на носок. Он весь сосредоточен. А голос за кадром вещает о том, что «времени на отдых нет, ведь важнейшее событие в жизни каждого музыканта, новое шоу на сцене грандиозного Радио-сити-мьюзик-холл в Нью-Йорке не за горами».

Несколько минут из закулисной жизни – Ларри репетирует с музыкантами, переговариваются о чём-то на языке музыкальных терминов, тоже не всегда мне понятных.

Следующее, что мы видим – электронные часы крупным планом. Время – 04:22. Ларри лежит на диване в гримерке

на животе. Без сил. Машет рукой, едва удерживая глаза открытыми: хватит, мол.

Камера фокусируется на прекрасном виде ночного Нью-Йорка за окном, а затем быстро-быстро всё изменяется, наступает рассвет.

Снова часы – 07:45. Звонит будильник. Ларри еще пару секунд лежит на боку в той же футболке, что и уснул, поджав под себя ноги. Он кажется таким беззащитным.

Затем меняет положение на вертикальное – садится, с трудом открывая глаза и протирая их руками. Замечает камеру, машет рукой и улыбается.

– Доброе утро! Пора приступать. Нас ждут великие дела!

Дверь в гримёрку за ним закрывается. Настал новый день из жизни артиста.

Камера следует за ним неотступно. За день Ларри успел побывать на завтраке в уютном кафе, на двух интервью и фотосессии, обсудить детали будущего альбома и варианты обложки, сочинить новую песню, закупиться в магазине и порепетировать в студии.

– До концерта всего пару дней, – шёпотом сообщает он в конце репетиции, приближаясь к оператору. – Я страшно волнуюсь, если честно. Соберутся все мои друзья. И… я никогда ещё не выступал на такой сцене в Америке. Но будет круто. Я надеюсь.

А затем на экране появляется календарь, за пару секунд перелистываются даты и главный день обводится красным

маркером. Вот он – концерт. Вот она – публика, которая собралась у входа и разбила палаточный лагерь прямо с утра.

Ларри прибывает к полудню и входит через запасной выход. Мы видим, как он провёл этот день. Пусть в сжатом, смонтированном виде, но его волнение и всю ответственность момента это ничуть не скрывает.

А счётчик внизу экрана исправно докладывает: 6 часов до начала шоу, 4 часа до начала шоу…

И вот – двадцать минут. Ларри уже одет и причёсан. Безупречная укладка, неизменный стиль – тёмно-фиолетовая рубашка с неброским узором и рукавами три четверти, часы на правой руке, тёмные брюки. Крики фанатов из зала хорошо слышны, но Ларри сконцентрирован. Что-то шепчет: то ли текст песни, то ли слова молитвы. В этот миг он очень собран, и никто ему не мешает.

Три минуты до выхода. Традиционный ритуал с музыкантами – все руки вместе, желают друг другу удачи.

Ларри подглядывает из-за кулис. Затем оборачивается на камеру:

– Их очень много!

На экранах у сцены начинается обратный отсчёт. И моё сердце замирает, как будто концерт действительно вот-вот начнётся. Как жаль, что я не была в тот день рядом с Ларри. На этом грандиозном шоу, к которому он шёл столько лет. Верил ли, что это сбудется? Не знаю. Но мечтал наверняка.

Камера с высоты охватывает концертный зал. Он огром-

ный.

И всё это – через сопротивление и угрозы бывшего менеджера, благодаря упорному труду и поддержке фанатов и близких людей. Он сумел доказать, что нужен публике. Что его хотят слышать. И ему есть, что сказать.

Моё сердце билось в такт вступительной музыке и мерцанию софитов.

Ларри вышел на сцену, крепко сжимая в руках гитару, как спасительную соломинку. Серьёзный и сосредоточенный.

Фанатки разразились исступленным криком, и это вызвало улыбку на лице Ларри. Да, это его стихия. Его призвание. Его путь.

– Привет, ребята, – немного смущаясь начал он после песни и помахал рукой первым рядам танцпола. Оглушительная реакция последовала незамедлительно. – Я немного волнуюсь. Сегодня такой важный день. Вы тоже?

Вот такой он и есть: милый и искренний. Этим и притягивает к себе, как магнитом. И как я могла подумать при первой встрече, что это самовлюбленный выскочка и вечно недовольный всем грубиян? Теперь при мысли об этом смешно. Кто б мог подумать!

Какая-то наиболее голосистая поклонница, вероятно, из первых рядов, ухитрилась прокричать на весь зал:

– Я люблю тебя, Ларри!

– Я тоже люблю – всех вас. И сегодняшний концерт будет тому подтверждением. Вы готовы?

Зал зашумел в предвкушении долгожданного шоу.

– Вы готовы? – продолжал заводить толпу Ларри.

Он махнул рукой, посылая воздушный поцелуй и улыбаясь, кажется, каждой, и из динамиков полилась легко узнаваемая мелодия – кто только не слышал этот хит! Когда я скучала по Ларри в России, слушала его по сто раз на дню и могла воспроизвести слова без подсказки с любой строчки.

Фанаты кричат так, что я готова поддаться этому массовому безумству и начать подпевать прямо здесь.

Тысячи глаз направлены на одного человека. Легко ведь с ума сойти!

А он поёт грустную лирическую песню, которую написал в разлуке. В мерцании одного-единственного софита, направленного на него, сидя на небольшом парапете в форме раскрытого настежь окна, на высоте около двадцати метров. Невероятно!

Экран позади Ларри усиливает эффект «до мурашек», изображая луну и звёздное небо. И призрачный силуэт девушки, всплывающий то тут, то там. Это было так красиво и романтично, что дух захватывало.

Ещё один фрагмент концерта, который также потряс воображение – песня, написанная в «год друг без друга» и догорающая к концу песни огромная свеча на экране. Последний аккорд, и весь зал погружается во тьму. А затем освещается, подобно космосу, и Ларри продолжает петь акапелла.

После – несколько драйвовых песен. Смонтированные

фрагменты концерта вмещаются минут в двадцать. Удивительно, как в этой огромной толпе Ларри ухитряется видеть каждого! Заметил где-то девочку с бразильским флагом и не мог не прокомментировать:

– Ты приехала из Бразилии? Правда? Это невероятно! Спасибо!

И вот – последние аккорды, заключительные слова, и бегом за кулисы. Пот течёт в три ручья, отирает ладонью. Но невооружённым взглядом видно, как он счастлив в эту минуту. Новый рубеж покорён.

Он пожимает руку каждому музыканту и всем причастным, благодарит. Заходит в гримёрку, жадно пьёт из бутылки, а потом машет рукой в сторону камеры:

– Ну ладно, хватит на сегодня. Уходите. Не заставляйте меня закрывать дверь у вас перед носом, – смеётся.

Я смеюсь вместе с ним. Уверена, этот фильм я пересмотрю ещё не раз. Он действительно получился живым и очень искренним.

Какой-то влиятельный музыкант на экране (я его знаю, но имя забыла), говорит о том, что он является большим фанатом Ларри:

– Это было круто. Его ждет оглушительный успех! Ещё больший, чем он имеет. Я не сомневаюсь. Он очень талантливый парень, который полностью посвящает себя своему делу.

– Ты придёшь на следующее шоу? – спрашивает чей-то

голос за кадром. Явно не Ларри, но тоже мужской.

– Обязательно. Я буду сидеть в первом ряду. Такое нельзя пропускать, ребята, – заявляет он, тыча в камеру.

И снова Ларри сидит перед интервьюером, чьего лица мы не видим. Словно возвращаемся к началу фильма.

– Ты хотел бы что-нибудь изменить в своей жизни?

Он задумывается лишь на миг. В тот же самый миг я думаю о нас с ним. Могло бы всё сложиться гораздо проще и легче? Не знаю.

Но Ларри, вероятно, думает о другом.

– Нет, – говорит он.

– А что ты можешь посоветовать тем, кто хочет что-то изменить?

– Важно верить в себя. И в то, чем ты занимаешься. Верить в то, что ты сможешь достигнуть поставленной цели. Я был обычным парнем из Лондона, каких тысячи. Пел себе в небольших клубах, где меня даже никто не слушал. А что теперь? Если ты делаешь это с любовью – чем бы ты не занимался – у тебя всё получится.

– Значит, любовь и вера в себя – самое важное в жизни?

– Конечно.

– А что ещё? Третье.

Он задумывается на мгновение.

– Быть человеком.

– И оставаться самим собой?

По его лицу расплывается улыбка.

– Точно.

Титры. Фрагмент выступления и бегущие справа имена и благодарности.

Как быстро пролетело это время! Я хочу посмотреть ещё раз. Или нет, больше всего я хочу сейчас оказаться рядом с Ларри подальше от этой шумихи. Пусть даже мы будем просто молчать, главное – вместе.

Ларри неспеша поднимается со своего места. Я не спешу. Слежу за ним, не зная, как поступить.

Его глаза находят мои, и по губам скользит таинственная улыбка. Он демонстративно достает телефон и набирает сообщение. Я уже знаю, кому.

«Встретимся у кафе Trade через сорок минут. Это через две улицы. Я подхвачу тебя там».

Мы обмениваемся многозначительными взглядами, и я решительно отправляюсь в сторону выхода, чтобы найти укромное место и узнать в Интернете точный адрес места нашей встречи. Кажется, самая интересная часть вечера только начинается.

Глава 4

Когда он наконец появился в дверях, я невольно расправила плечи и улыбнулась. Услужливый официант поспешил к нему навстречу, и уже через пару секунд наши с Ларри глаза встретились и… Это происходит каждый раз. Я не знаю, есть ли этому какое-то определение. Но так бывает: есть люди – твои ровесники, с которыми ты не можешь найти общего языка, а потом встречается человек гораздо старше или моложе, и у вас столько общего! Есть русские парни, с которыми мы словно с разных планет, а есть Ларри, выросший и воспитывавшийся в Великобритании, но мне с ним гораздо интереснее и уютнее во всех смыслах. Может, когда ты встречаешь *своего* человека, все условности вроде возраста, национальности и прочих общепринятых границ вдруг стираются, и говорят уже не люди, а души?

Я слегка мотнула головой. Слишком романтичная натура, привыкла всё мелодрамматизировать.

Ларри пожал мне руку и бросил одно лишь короткое:

– Пойдём.

Я без вопросов последовала за ним.

Через пару мгновений мне всё стало ясно. Ну конечно, ужинать в обычном зале не слишком удобно, потому что рано или поздно кто-нибудь обратит на нас внимание, и тогда нам просто не удастся поесть и пообщаться по-человечески.

В маленькой приватной комнате с тяжёлыми бордовыми шторами было очень уютно. Два мягких дивана с высокими спинками и россыпью подушек горчичного цвета напротив друг друга, стол из красного дерева с резными ножками, искусно сложенные салфетки в вазе и горящая свеча в колбе. Свет здесь был гораздо мягче, чем в общем зале, так что я в шутку бросила:

– Слишком хорошо. Боюсь, что я здесь усну.

– Я не дам тебе этого сделать, – произнёс Ларри, целуя меня в шею.

Я позволила себе расслабиться лишь на секунду, а потом он выпустил меня из объятий и помог присесть за стол.

– У тебя такие сладкие духи, – с игривой улыбкой протянул он, присаживаясь напротив.

– М-м-м, – только и сказала я.

А в голове в это время неистово билось: «Это может произойти сегодня».

Не может. Я всегда хотела иначе.

Это может его обидеть.

Он любит меня и должен понять.

Ты знаешь, что другая девушка на твоём месте…

Я знаю! Но выбрал-то он всё равно меня!

И ты думаешь, что все три года он цвёл для тебя ненюханным цветочком, и продержится ещё столько же?

Я помотала головой, стараясь избавиться от этих внутренних споров, и это не укрылось от взора Ларри.

– Всё в порядке?

– Да. Просто устала немного. И как ты справляешься с этим изо дня в день? – добавила с виноватой улыбкой.

– Привычка, – пожал он плечами, как будто это было чем-то самим собой разумеющимся. – Как тебе фильм?

– Классный. Я уже хочу пересмотреть его снова.

Ларри улыбнулся и принял меню от вошедшего официанта.

– Что будешь?

Теперь настала моя очередь пожимать плечами.

– Ты был здесь когда-нибудь?

– Да, пару раз с друзьями.

– Тогда закажи что-нибудь на свой вкус.

Он взглянул на меня, но ничего не ответил.

– Тогда предлагаю начать с кесадильи. С говядиной или с курицей?

– Боже мой, что это?

– Это очень вкусно.

Ларри сделал заказ, после чего мы получили вино и салат для закуски и, в приятной обстановке, никуда не спеша, принялись разговаривать обо всём, что приходило в голову. О дальнейших планах Ларри (конечно, работа и только она), о моих успехах в области фотографии (ну, как успехах, кое-каких начинаниях), о погоде и грядущем Рождестве.

– Я надеюсь, уж в этот раз мы проведём его вместе, – заявил Ларри.

– Ну, если кто-нибудь не закажет тебя в качестве Санта-Клауса, то, пожалуй, – усмехнулась я.

– Я специально выкрою этот день, чтобы мы могли побыть вместе.

– Уж постарайся, пожалуйста.

– Как ты хочешь его провести?

– С тобой.

– Это понятно, – хмыкнул он.

– Что принято в Лондоне? Семейный ужин с индейкой?

– Если хочешь – у нас будет ужин с индейкой.

– А у тебя бывают каникулы или отпуск? Я хотела бы отправиться куда-нибудь вместе с тобой.

– В конце января, думаю, будет такая неделя.

– Всего неделя? За целый год?

Ларри пожал плечами, как будто не было в этом ничего удивительного.

– Понимаешь, я отличаюсь от нормальных людей тем, что очень люблю свою работу. И она у меня разноплановая. В то время, когда я пишу песню, я, можно сказать, отдыхаю. Или когда лечу в самолёте – можно поспать. В студии мы тоже проводим много времени: не просто записываемся, но и болтаем. Порой я остаюсь там ночевать. Это привычка такая ещё со времен Пола, – хмыкнул он.

Я покачала головой, отказываясь признавать такой ритм жизни нормальным. Но что будет, если Ларри изъять из этого мира и поместить в обычные для среднестатистического

человека будни? Он будет гораздо несчастнее, если будет работать с девяти до пяти, иметь два выходных и стандартный отпуск. Так что, возможно, он вполне прав.

Мы просидели в ресторане до полуночи, когда официант с отточенным до блеска прискорбием на лице сообщил, что заведение закрывается, но завтра они ждут нас снова.

Ларри поспешно расплатился, и мы последними вышли наружу.

Было уже темно и холодно, и я огляделась, пытаясь отыскать автомобиль, на котором Ларри здесь ездил.

– Я сегодня не стал брать машину, – сообщил он, словно догадавшись о моих мыслях. – Нас было бы слишком легко рассекретить. Сейчас поймаем такси.

– Может, на метро? – слова, сорвавшиеся с моих губ, были скорее шуткой, но всё же совру, если скажу, что я не надеялась. Просто иногда мне хотелось, чтобы он был обычным парнем, с которым можно доехать домой на метро и пройтись погулять, не смущаясь от взглядов: «О, это же Ларри! А кто это с ним?»

Ларри воспринял идею без энтузиазма.

– Думаю, сегодня я не готов к подвигам. Завтра съёмки с восьми утра.

Кажется, в его голосе сквозили виноватые нотки, но я улыбнулась, чтобы сгладить ситуацию.

– Всё в порядке.

Такси удалось поймать очень быстро. Ларри сразу же рас-

платился и коротко поцеловал меня в губы. Вот тут до меня и дошло, что он даже не станет меня провожать. И это стало не слишком приятным открытием. Но я постаралась никак не выказать этого, хотя мне было… странно. Я понимала, что Ларри устал и не успеет добраться домой, как нужно снова вставать и куда-то идти, но…

Я помахала рукой через стекло, и через пару мгновений неприметная во тьме фигура Ларри осталась позади.

Мне было грустно, и я не могла толком объяснить, почему.

На следующий день мы созвонились всего один раз, и то лишь на пару минут. А утром Ларри улетел в Америку – его ждал новый город и новый концерт.

А в моей жизни произошла встреча, которую я поначалу сочла счастливой, но, как оказалось, лучше б её и не было вовсе.

День был выходным, и я отправилась на Оксфорд-стрит – погулять и присмотреть подарки родителям, друзьям и Ларри. Чуть позже ко мне должна была присоединиться Мэй – после утренней смены в кафе, где она работала последние полтора года. Не сказать, что работа была ей по душе, но она помогала ей выжить.

– Я не вернусь в Венесуэлу, – часто повторяла она. – С этим покончено. Мне нравится Лондон. И когда-нибудь я буду заниматься тем, что мне действительно нравится. Буду организовывать свадьбы и дни рождения, и дарить людям

улыбки.

Я в неё верила. И даже пообещала, что стану её компаньоном – на любом празднике нужен фотограф. Но пока дело ограничивалось лишь мечтами, потому что ни стартового капитала, ни британского гражданства ни у одной из нас не было. И если без второго мы бы смогли обойтись, то без денег уж точно нет.

На Оксфорд-стрит много разных магазинчиков, и я ухитрилась купить несколько незапланированных вещей для себя, в то время как собиралась искать подарки другим. А ещё заглянула в очень крутой магазин со сладостями и продегустировала там несколько кексиков – о-о-очень вкусных.

Рядом с этой улицей есть и другая, не менее популярная среди туристов – Риджент-стрит. Объясняется это тем, что неподалёку находится Пикадилли. А ещё здесь много самых разных магазинов! И, да, это одна из самых красивых улиц, на мой взгляд. Особенно в ноябре-декабре, когда город готовится к Рождеству. Я была здесь в прошлом году как раз в этот период, и здесь особенно ярко чувствуешь праздник. Невероятные иллюминации, уютно устроенные в витринах «комнаты», мерцающие огни, распростёртые над проезжей частью белые ангелы и снежинки, нанизанные на паутинку шарики, создающие вид звёздного неба вечером, от которого попросту невозможно оторваться.

В этом году ангелы были не белыми, а синими с золотым, мерцающими так красиво – не оторвать глаз. И множество

цветных звёзд повсюду. И витрины, возле которых и дети, и взрослые стояли, словно в музее – нет, это скучно, – словно перед таинственным калейдоскопом, который мог показать чудеса.

В этот период в центре Лондона многолюдно. Все ищут подарки. Мэй говорит, что на прошлой неделе простояла в очереди, чтобы только зайти в магазин, двадцать минут! Сегодня мне повезло больше. Может быть, потому, что я выбрала не выходной день, а будний.

А вообще в предрождественский ажиотаж даже в магазины заходить страшно – покупательская истерия в самом разгаре.

В прошлый раз – в прошлом году – я выстроила хитрый план, как всех обмануть: приехала в магазин в семь утра и собиралась быстренько купить всё по списку минут за пятнадцать. Не тут-то было.

Но есть здесь и свои плюсы: улицы в красочных огнях, ёлочные базары и запах хвои вокруг, группы народной самодеятельности с различными инструментами в красных колпаках на площадях, прогуливающиеся Санта-Клаусы (здесь их зовут Father Christmas).

Вот и сегодня – куда я только не заглянула. И даже в Whole Food Market – огромный супермаркет. Поговаривают, один из самых дорогих в Лондоне. Но смотреть можно бесплатно.

Здесь, пожалуй, есть всё. Просто всё. И даже если приходишь сытым, тебе начинает хотеться есть снова. Проверено.

И ещё здесь есть органическая еда – приготовленная без использования пестицидов, искусственных пищевых добавок и всяких там ГМО. В последнее время в Америке и Европе такая еда стала трендом. Но бедным студентам и переселенцам вроде меня её не потянуть. Для нас открыл свои двери Макдональдс.

Пока я смотрела на празднично украшенные витрины и впитывала в себя этот дух грядущего Рождества (за полтора месяца до его наступления), мне на глаза попался свитер с оленями – пусть банально, но я непременно хотела увидеть в нём Ларри. А потому зашла внутрь, чтобы узнать о цене и размерах. Но не успела приблизиться к вешалкам с понравившимися мне свитерами, как справа вдруг раздалось радостное:

– Энн!

Я дёрнулась, приученная к тому, что обычно подобным образом реагируют поклонницы Ларри, а значит, встреча не сулит мне ничего доброго. Но я ошиблась. Это была Марика – мы вместе учились в фотошколе, и, надо же, она меня вспомнила!

Я боялась расспросов про Ларри, но всё равно была рада её увидеть. Как ни странно, о личной жизни она совершенно меня не спрашивала, и очень скоро я расслабилась. Покупку свитера пришлось отложить. Мы переместились в кафе здесь же, на территории торгового центра, и с жаром начали обсуждать самые разные темы, запас которых не иссякал.

Больше всего говорили, конечно, про дочку Марики – Тессу – ей уже было два года! Тогда именно из-за беременности она и бросила обучение, и теперь ничуть не жалела.

– Фотограф из меня никудышный. Это была просто блажь. Вот у тебя, другое дело, призвание. Ты ведь до сих пор занимаешься этим?

Я вкратце поведала о своих скромных успехах, добавив, что есть ещё куда стремиться.

– Слушай, а у меня к тебе есть предложение. Мой брат сейчас ищет фотографа с собственными идеями, который за умеренную плату может сделать крутые снимки.

Я на секунду замешкалась.

– А снимки какого плана его интересуют?

– Этого я точно не знаю. Давай я дам его почту, и ты ему что-нибудь сбросишь из своих работ. Если его устроит – дальше будешь общаться сама, без посредников. Я не слишком вникаю. Он у меня певец, – многозначительно поведала она. – Ну, начинающий ещё, но амбиций хоть отбавляй. Может, из этого что-то и выйдет. А тебе будет заработок.

Она достала из сумки ручку и на салфетке написала адрес его электронной почты, а ниже имя: Энсел.

– Хорошо, – нерешительно произнесла я, уставившись на её кривой почерк. – Правда, я не уверена… Я мало фотографировала людей, а ему же, наверное, нужен профессионал.

– Главное – креатив, а с этим у тебя проблем не было, это

я помню, – подбодрила Марика, сжимая мою руку.

Звонок её телефона прервал нашу милую беседу. Дочь требовала внимания, и Марика надолго не оставляла её ни с няней, ни с бабушкой.

– По-моему, я нуждаюсь в Тессе больше, чем она во мне. Рада была повидаться! И, кстати, дай мне свой телефон. Ещё увидимся как-нибудь.

– С удовольствием. Я, кстати, была бы рада познакомиться с твоей дочкой.

– Без проблем. Она у меня компанейская. Ладно, до встречи, – забив мой номер в свою телефонную книгу, подмигнула Марика и на ходу крикнула: – Напиши ему.

Уточнять, кому именно, не требовалось. Не знаю почему, но я сомневалась. Может быть, это была интуиция?

Может быть, стоило к ней прислушаться?

Глава 5

Добрый вечер,

Стёрто.

Привет! Меня зовут Энн, и я…

Стёрто.

Блин! Понятия не имею, как начать это письмо к парню, которого я не знаю.

Интересно, Марика сказала ему обо мне? Что я вообще собираюсь писать?

Ладно, я ничего не теряю. Может, это письмо попадёт в спам, и он даже не увидит его. Как, она сказала, его зовут?

Я пододвинула салфетку с написанными быстрым почерком координатами поближе и прочла имя – Энсел.

Ну что ж… Попытка номер семьдесят девять.

Привет! Меня зовут Энн, я подруга Марики. Она дала мне адрес твоей электронной почты и сказала, что ты в поиске фотографа. Может быть, мы могли бы сработаться. Для примера высылаю несколько своих работ. Если сотрудничество со мной заинтересует, пиши на этот адрес. Энн.

Не так уж и сложно.

В качестве образца я прикрепила некоторые свои фотографии. Над одной – особо удачной, на мой взгляд, где был изображён Ларри в аэропорту около двух лет назад, – размышляла особенно долго и в итоге решила отправить. Это

могло бы стать плюсом, ведь я работала уже со звездой, хотя мне и не хотелось приплетать сюда Ларри.

Ответ от Энсела пришел ближе к полуночи, когда я уже собиралась ложиться спать.

Привет! Очень интересные у тебя фотки. Мы могли бы встретиться лично и обсудить концепцию? Например, завтра вечером.

Так быстро?

Я не знаю, чего я вообще ожидала, но раз уж удача плывёт ко мне в руки – попробуем, что из этого выйдет. Может, мы не сможем найти общий язык и ничего не получится.

Я ответила положительно, и, не дожидаясь ответа, легла спать. Утром прочла сообщение, где Энсел указал координаты незнакомого мне ресторана – судя по карте, в центре города, – и уточнял, удобно ли мне это время.

Я коротко ответила «да» и, выпив утренний кофе с булочкой, отправилась в наш скромный офис. Новых заказов не поступало, а значит, сегодняшний день был целиком в моём распоряжении. Я отправилась в сады Уизли.

Прежде я не знала об этом месте и лишь недавно услышала по радио о том, что летом там проводилось цветочное шоу. Заинтересовалась и решила наведаться в этот парк, несмотря на то, что сезон давно уже был не цветочный.

От центра Лондона добираться пришлось больше часа, но погода была замечательная, так что я напрочь забыла о правиле, которое всегда нужно соблюдать в Лондоне –

брать с собой зонтик – о чём впоследствии пожалела. Как только я оказалась в парке, хлынул ливень. Пришлось укрываться под навесом кафе, но зато это был повод перекусить аппетитным гамбургером. Я не любитель подобного рода еды, но здесь она была очень вкусной и свежей. А может, это я уже проголодалась.

Конечно, в тёплое время года это место наверняка выглядит краше, но и теперь было на что посмотреть: множество водопадов, скульптур, фонтанов, озёр. В одном из водоёмов плавали уточки, и я пожалела, что у меня нет с собой ничего, чем можно было бы их покормить.

Есть даже тропический оазис – стеклянный дом, где проводят различные выставки и цветочные экспозиции в любое время года.

Одним из основных зданий является лаборатория, обращённая к большому прямоугольному пруду, у другого конца которого расположена открытая лоджия в стиле «искусства и ремесла».

За классическими садами Джеллико расположен прекрасный сад камней. Рядом находится «дикий» сад с деревьями, кустарниками и прочими непритязательными растениями. Далее, к северу, я обнаружила питомник хвойных растений. И, как гласит вывеска, создан он аж в 1909 году.

В Уизли также находится интересная, на мой взгляд, коллекция ревеня – более девяносто пяти видов и сортов. Только представьте!

Кроме того, здесь развита образовательная деятельность: курсы профессиональных садоводов, курсы любителей растений, есть справочная служба и превосходная библиотека. В растительном центре представлен на продажу широкий ассортимент растений и книг по садоводству. Тут можно поучаствовать в выставках и конкурсах.

В общем, скучать мне не пришлось, и я открыла для себя ещё одно удивительное место этого чудесного города.

Дождь совершенно затих и прекратился только часам к четырём – до этого шла противная морось, и я преимущественно проводила время на закрытых площадках, любуясь невиданными прежде сортами растений и видами цветов. Так и хотелось что-нибудь приобрести, но садовод из меня ещё тот, поэтому ограничилась фотками, отправив некоторые их них Мэй и Ларри.

Подруга ответила сразу же изумлённым: «Вау! А где это ты?», и взяла с меня обещание, что в следующий раз мы наведаемся сюда уже вместе.

Ждать ответа от Ларри пришлось до вечера. Я уже подъезжала к месту встречи с Энселом, когда телефон наконец вздрогнул, и Парень-Который-Вечно-Занят ответил.

Сады Уизли

Я обожаю их

Там легко можно затеряться. Надеюсь, ты смогла выбраться?

Прости, что долго не отвечал. Только проснулся.

Ах, вот в чём дело. Порой я забываю отсчитывать разницу в наших часах и даже могу обидеться, но быстро, конечно же, отхожу. Он не может, да и не должен, сидеть с телефоном 24/7 и ждать от меня сообщения.

На поиски ресторана ушло ещё около пятнадцати минут, но я удачно рассчитала время, зная свой территориальный кретинизм, и пришла на место встречи как раз вовремя.

«И кто же тут Энсел?» – подумалось мне, но поспешивший навстречу официант быстро решил проблему.

– Добрый вечер! У вас забронирован столик?

– Полагаю, меня здесь ждут. Энсел, – нерешительно произнесла я его имя, чувствуя себя пристыженно из-за того, что не озаботилась этим вопросом заранее. Даже фамилии его не знаю!

– Да-да, Энсел Сейдж. Пройдёмте!

Я с явным облегчением последовала за ним, даже не представляя, кто меня ждет. Когда официант указал рукой на место и отодвинул стул, я подняла взгляд и вежливо улыбнулась.

За столиком в углу сидел парень в белой футболке и наброшенном сверху сером пиджаке. Светло-русые волосы, возраст… пожалуй, чуть помоложе меня. А может, ровесник. Я не слишком хорошо разбираюсь в этом.

Он приподнялся, протянул мне через стол руку и представился.

– Рад знакомству. Энсел Сейдж.

– Взаимно. Энн Княгинина.

Он удивленно приподнял бровь, и по губам как будто скользнула улыбка. Не знаю, может, мне показалось.

– Я не мог слышать твоё имя?

А может, и нет.

Я пожала плечами и ответила уклончиво:

– Вряд ли.

– Что ж… – кажется, он тоже испытывал некоторое замешательство. – Предлагаю для начала что-нибудь выпить. За знакомство.

Я кивнула. Пить много не входило в мои планы, но для приличия – почему нет. Мы обменялись ещё парочкой незначительных реплик. Энсел спросил, откуда я родом, услышав в моей речи уже не такой очевидный, но все равно заметный акцент. Я не стала скрывать.

– А что же привело сюда, в Лондон?

Он казался доброжелательным, но я всё равно не собиралась выкладывать свою историю первому встречному. Поэтому ответила полуправдой.

– Однажды я прилетела сюда и влюбилась в этот город. Поэтому в один прекрасный день набралась смелости и дерзнула приехать сюда надолго. Может быть, насовсем. Как получится.

– Ты работаешь фотографом? – плавно перешёл он к правильной теме, и я облегчённо выдохнула.

– Да. У нас с ребятами есть небольшая организация, я там

фотограф.

– Здорово. Мне понравились твои работы. Правда.

– А в каком ключе ты бы хотел фотосессию?

– Это будет не просто фотосессия. Это обложка альбома и небольшая книга к нему.

– Вот как… Ну, тогда мне не помешало бы послушать несколько песен, чтобы понять твой стиль.

– Без проблем, – тут же согласился он, доставая мобильный и распутывая наушники. Один из них протянул мне. – Сейчас послушаем.

Первая же песня пришлась мне по вкусу, но уж слишком отчётливо что-то напоминала. Я старалась не смотреть в глаза Энселу, хотя и видела, что он это делает. Это мешало сосредоточиться.

– А есть какие-нибудь видео? С выступлений, может быть.

Он поднял указательный палец, как бы говоря «минуту», и через мгновение подсел ближе, так что пряди его отросших у лба волос едва не касались моей головы.

Я невольно поёрзала на стуле, немного отодвигаясь. Его холодная вежливость и бесцеремонность не слишком пришлись мне по душе, но я была не в том финансовом состоянии, чтобы отказываться и перебирать клиентов.

Одним видео я и ограничилась, решив получше узнать этого парня через Интернет в своей комнате дома. Но что меня в нём напрягло помимо его манеры держать себя, так это странная схожесть с Ларри. Серьёзно. Может, мне и ме-

рещится, но в том выступлении, что я только что увидела на экране его телефона, манера исполнения и стиль в одежде, даже стиль в музыке – были невероятно похожи. Это действительно его в*и*дение или просто слепое копирование чужого успеха?

Я хмыкнула. Не стала выражать вслух свои мысли о том, что для того, чтобы стать по-настоящему успешным, нужно быть личностью, а не чьей-то неумелой копией. Потому что она всегда хуже оригинала.

Я отключила эмоции и предложила несколько свежих, на мой взгляд, идей, которые могли бы ему подойти. Раз он весь такой поп-рок звезда, можно устроить фотосет в живых локациях где-нибудь в горах, например. С гитарой в руках. Дерзко, живо и энергично. Или что-нибудь в стиле романтик, если он больше склоняется в сторону сентиментальности.

Энсел выбрал первый вариант и даже пообещал поискать место для съёмки.

Остаток вечера мы спокойно ужинали вместе. И хотя он пытался вывести меня на откровенный разговор про семью и личную жизнь, я упорно держала нейтралитет и говорила лишь то, что казалось мне допустимым. Ни слова о Ларри. Ни слова о том, что в моём сердце.

Да, раньше жила в России. Да, закончила специальную школу фотографов в Лондоне. Нет, мои родители никак не связаны с творчеством. А лучше расскажи о себе.

Эту инициативу он подхватил с явным удовольствием, и дальше я могла не утруждать себя тем, чтобы найти деликатный ответ на вопрос.

Когда – спустя час или полтора – мы вышли из ресторана, меня ослепили десятки вспышек – фотографы налетели роем злых пчёл и каждый кричал: «Эй, посмотрите сюда! Энсел, кто эта девушка?».

Похоже, я заблуждалась, когда думала, что этот парень ещё недостаточно знаменит и не сможет стать яркой звездой шоу-бизнеса потому, что копирует стиль Ларри Таннера.

Неожиданная картина, в центре которой я оказалась, напомнила мне былые времена, когда также охотились за нами с Ларри.

И тут меня осенило. Ларри! Ведь он увидит это наверняка! А я даже не сказала ему, где и с кем. Просто не ожидала, что… Или, может, предчувствовала, что он не обрадуется, потому что я обещала обложку ему, а делаю – Энселу Сейджу.

Как только я вскинула руку, чтобы прикрыть лицо, какой-то мужчина грубо дёрнул меня за рукав, причём с такой силой, что я едва устояла.

Энсел тут же отреагировал: подтянул меня к себе и заставил смотреть ему в грудь, а не на папарацци. Я поспешно воспротивилась, восстанавливая дистанцию, и парню не оставалось ничего иного, как двинуться сквозь толпу вслед за мной.

Мне показалось или он не спешил?

Я была в ярости!

Это кто-то подстроил? Что за дела? Откуда здесь эти фотографы?

– Они постоянно охотятся за тобой? – продираясь сквозь толпу, на ходу обернулась я, стараясь, чтобы слова не казались слишком уж грубыми. Потому что злилась я почему-то на Энсела.

– Всякое бывает, – уклончиво ответил он. – Куда ты? Моя машина в другой стороне.

– Я на метро, – угрюмо откликнулась я, забыв проконтролировать свои эмоции. Ну и пусть! Я ничем ему не обязана.

– Погоди, – он схватил меня за плечо, поворачивая к себе, и я краем глаза заметила, как любопытные выскочки с камерами снова подбираются к нам и щёлкают, щёлкают.

– По почте договоримся, ладно? – вновь поворачиваясь, готовая к бегу, как жертва от хищника, пробормотала я.

– Почему ты их так боишься?

Я не ответила. Должно быть, ему приятна вся эта слава. Возможно, только на первых порах, пока они не проникли во все сферы его жизни. А может, Энсел из тех, кто просто любит внимание – плевать, какого оно рода и что стало поводом.

В свою маленькую комнату в студенческом общежитии я вернулась в дурацком расположении духа. Упала в кровать, не раздеваясь, и пару минут тупо пялилась в потолок, ду-

мая, стоит ли сразу предупредить Ларри или подождать, пока буря утихнет и, возможно, минует нас. Ведь они – журналисты – не дураки – легко сопоставят одно и другое: «Ага, это бывшая девушка Ларри Таннера!». Для них-то я бывшая. Ларри меня бережёт.

Я медленно встала и спрятала лицо в ладонях. Почему всё так сложно с этими звёздами? И зачем Энселу эта слава – чтобы его видели с чужой девушкой? Ну, или просто с девушкой, он же не в курсе про меня и Ларри. Наверное.

На следующее утро я получила письмо от виновника моих бед. Он написал, что ему и его менеджеру понравился мой подход, и они будут со мной сотрудничать. Сразу обговорили зарплату, и это немного меня обнадёжило. На стабильные деньги в той организации, в которой я числилась вместе с такими же талантливыми, но пока мало раскрученными ребятами, рассчитывать особенно не приходилось. А на голом энтузиазме далеко не уедешь. Кушать хочется, да и жить где-то надо.

Мы обговорили дату – через два дня, – я обшарила Интернет в поисках вчерашних фото, но ничего не нашла. И успокоилась. Вопрос о том, рассказывать ли Ларри о нашей с Энселом встрече, отпал сам собой.

В день съёмок было ветрено и промозгло, а место, которое команда Энсела определила в качестве локации, имело ещё и не самую лучшую славу. Меловые скалы Beachy Head. Сто шестьдесят два метра в высоту. Это одно из самых извест-

ных мест, где совершаются суициды. Двадцать человек в год сбрасываются здесь вниз. Создан даже специальный отряд, который круглосуточно патрулирует берег.

Но, нельзя не признать, даже в такую погоду здесь было красиво. Береговая линия до горизонта, красно-белый маяк, стоящий у подножия мыса, полностью окружённый водой.

Я добралась сюда на такси. К счастью, водитель попался опытный и не кружил долго вокруг да около. Хотя ехать пришлось почти полтора часа.

Я выбралась из автомобиля и сразу же увидела команду, которая любезно вызвалась мне помочь – ребята выстраивали аппаратуру, возились с осветителями. Все они были из команды Энсела, потому что нашей маленькой организации не поступало настолько масштабных заказов, чтобы обзаводиться столь профессиональным штатом. Обычно я обходилась своими силами. Но не в случае, когда снимаешь обложку альбома для новой мировой звезды (я ведь не преувеличиваю? Насколько далеко уже распространилась его слава?).

И знаете, кто был первым, кого я увидела? Нет, вы ни за что не догадаетесь! Это был тот человек, которого я меньше всего ожидала (и совершенно не желала) увидеть.

Это был Пол. Бывший менеджер Ларри. И, в отличие от меня, он, кажется, вполне был готов к этой встрече.

Развёл руки в стороны, приподнял брови в удивлении. Но это был блеф. Я знала Пола. А он знал меня.

– Какая неожиданная встреча!

Первой мыслью было – бежать. Но это всё-таки непрофессионально.

Знал ли Энсел, когда мы обсуждали план работы в ресторане, кем я являюсь и что меня связывало с Полом? Теперь в любом случае знает.

– Действительно, – выдавила через силу.

И как это он согласился на то, чтобы съёмку вела именно я? Очередной его план? Ничего не получится. Я сегодня же расскажу Ларри. Знаю, он будет не в восторге, но мы должны обсудить это сейчас, пока я могу рассказать, а не оправдываться.

– Пойду проверю готовность, – сообщила я, стремясь улизнуть поскорее. Нечего нам обсуждать.

По дороге меня перехватил Энсел. В стильной куртке-косухе, наброшенной на простую белую футболку, в кожаных чёрных штанах, с уже готовой укладкой.

– Привет, – вот он, кажется, рад был меня видеть. Но я никому уже не доверяла.

– Привет, скоро начнем, – пробормотала я и, не сбавляя шаг, отправилась к осветителям, как будто ничего важнее для меня сейчас не существовало.

Через десять минут можно было начинать. А мне как никогда хотелось скорее с этим расправиться, поэтому я повернулась к Энселу, сидевшему на пластиковом стуле и как можно приветливей сообщила:

– Мы готовы работать.

Можно даже сказать: всё прошло хорошо. Пол не мешал и следил за всем со стороны. Он не делал попыток поговорить или как-то вмешаться в работу. У нас была одна пауза, когда меняли образ героя, но я в это время со слишком уж явным интересом разглядывала сделанные кадры.

Через пару часов всё закончилось.

– Думаю, получится здорово, – обнадёжила парня, и он улыбнулся.

– Может, сходим куда-нибудь? – вдруг ни с того ни с сего выдал он.

Я даже не сразу сообразила.

– В смысле?

– Поужинать, – с прежним дружелюбием пояснил он.

– Вряд ли получится. У меня ещё много работы.

– Можем завтра или в выходные, – пожал он плечами.

Настойчивый, однако.

Я бросила взгляд на Пола, но он увлечённо разговаривал по телефону и был достаточно далеко от нас, чтобы слышать.

Вот засада! Это часть его плана или злой рок, что все его подопечные что-то во мне находят?

Сказать бы: «У меня есть парень», но это вроде как тайна. Пришлось ограничиться коротким:

– Вряд ли.

Ну не совсем же он недалёкий, должен понять.

Энсел, кажется, не обиделся.

– Ну, если что, у тебя есть мой е-мейл, пиши.

Я кивнула.

Непременно.

В следующей жизни.

Хотя, почему это в следующей?

– Фотки будут готовы примерно через две-три недели. Я сброшу.

Получив аванс за работу, поспешно вызвала такси и скрылась с места, пока ещё кому-нибудь не пришло в голову завести со мной светскую беседу. Чтобы я ещё раз связалась с этим парнем! Да если б я знала, с кем он работает!

Что? Отказалась бы? Деньги всё же нужны. И деньги не малые. Сколько заказов мне пришлось бы выполнить, чтобы заработать такую сумму? Стоит признать, Пол никогда не скупился.

Но Ларри… Ларри меня убьёт.

Глава 6

Я честно собиралась ему рассказать. Но знаете, что случилось?

Случилась самая лучшая ночь в моей жизни! За этот год уж точно.

Я устала за день и хотела пораньше лечь спать, но звонок Ларри нарушил все планы.

– Привет, – самый родной голос в мире. – Прости, я не разбудил тебя?

– Нет, я ещё даже не собиралась спать, – соврала без зазрения совести. Мне и впрямь больше хотелось беседовать с ним, чем спать, так что это был даже не полный обман.

– А что делаешь?

– Читаю.

– На английском или на русском?

– На русском. А ты что делаешь? Как прошёл твой день?

– Если хочешь, я всё тебе расскажу.

Ну что за вопрос? Разве когда-то было иначе?

– Конечно, хочу.

– Только сперва у меня к тебе будет просьба.

Я удивлённо хмыкнула. Неожиданный поворот.

– Какая?

Мне даже показалось, что он сейчас скажет: «Расскажи правду. Я видел в Интернете фото, где ты с другим парнем».

Но нет.

– Можешь выйти из дома на минутку? Тебе должны были уже доставить мой подарок.

– Подарок?

Я послушно спустилась вниз и вышла во двор, недоумевая, что это может быть. Но оказалось, не *что*, а *кто*! Ларри! Он стоял прямо передо мной и улыбался так широко, как будто и в его жизни это была самая лучшая встреча. А может, я просто слишком давно не видела его и успела соскучиться по этой улыбке.

Мы поехали к нему домой, потому что находиться здесь вместе с такой видной личностью было бы слишком опасно. Не знаю, есть ли ещё такие гулёны, которым не спится по ночам, но если кто-нибудь нас здесь увидит, проснётся весь дом, я уверена.

Честное слово, я совершенно не собиралась спать и мечтала все эти пару часов, что у нас были, провести в разговорах и поцелуях, но как только первый адреналин от встречи утих, меня снова потянуло в дрёму, и я ничего не могла с этим сделать.

Не помню, как я уснула. А, проснувшись, обнаружила, что Ларри уже здесь нет. Только записка, подтверждающая, что прошедшая ночь не была сном. Он писал мне, что любит и оставил электронный билет в Лос-Анджелес на моё имя. Когда и как он всё это провернул? Ответа у меня не было. Но то, что я была абсолютно счастлива, являлось неоспори-

мым фактом.

Не знаю даже, чему я радовалась больше: очередной встрече с Ларри или поездке в Лос-Анджелес, который давно мечтала увидеть. Это была ещё одна грань жизни Ларри, о которой я пока мало что знала, но теперь мне представился шанс. Ларри его подарил.

Я настрочила кучу сообщений с благодарностями и признаниями в любви, чувствуя себя семнадцатилетней школьницей (взрослые девочки ведь должны быть разумными и рассудительными, не так ли?). Но как-то не представляла, как можно сдержать эмоции и написать сухое и официальное: «Спасибо за всё. И за билет тоже. Скоро увидимся. Энн». Это же скука смертная!

Я представила, как улыбнётся Ларри, увидев мои послания, и от этого стало казаться, будто мы и не расставались. Серьёзно, ну что такое неделя? Всего семь дней, и вместо любимого, но дождливого Лондона я окажусь в тёплом и щедром на солнечный свет, самом крутом городе США.

За неделю я успела выполнить два заказа на персональную съёмку и обработать часть фотографий Энсела. Но дела в нашей творческой организации шли хуже некуда, заказов было ужасно мало, и я всё чаще думала о том, что мне вот-вот придётся начать искать хоть какой-то стабильный заработок, устроившись, к примеру, официанткой.

Погода в Лондоне была ненастной и к долгим гуляньям не располагала, поэтому я просматривала на форумах ново-

сти о жизни Ларри из уст фанатов, читала книги и смотрела фильмы. Один из них был про музыканта – слезливая сказочка, которая вряд ли случилась бы в жизни. Но я решилась посмотреть её, потому что сюжет, описанный в аннотации, немного напоминал нашу пару. Там не было ничего о пиаре, просто они невзлюбили друг друга – певец и обычная девушка с гонором, – а потом что-то щёлкнуло – бац! – и жить друг без друга не могут.

Но один фрагмент мне всё же запал в душу. Когда герой был готов отказаться от музыки ради любви. А она – тот самый источник проблем продюсера – обхватила руками его лицо и зашептала:

– Не смей даже думать об этом! Я знаю, как много музыка значит в твоей жизни. Поэтому ни при каких обстоятельствах не бросай это. Ты обещаешь?

Достойно «Оскара», честное слово. Больше я проникалась разве что речью Джека и Розы, когда он убеждал её жить и тоже просил: «Обещаешь?».

Герой книги хотел воспротивиться:

– Меган…

– Пообещай мне!

– Хорошо, я обещаю, – по губам скользнула улыбка и взгляд прояснился. Он, как и Ларри, жить не может без музыки. Ещё и сопротивляется, дурачок. – А ты пообещай, что будешь со мной.

– Хорошо.

– Нет, скажи «обещаю».

– Обещаю. Доволен?

– Почти. Поцелуешь меня?

Я закатила глаза. Ну вот, скатились. Он ещё спрашивает!

А Ларри мог бы допустить мысль о том, чтобы ради меня отказаться от музыки? Знаю, что нет. Музыка – его жизнь, то, чем он занимался последние… не знаю уж, сколько лет. И если лишить его этого, он просто не сможет так жить, даже если и будет сначала храбриться. Я достаточно знаю Ларри. Я бы сама от него ушла, если бы не было выбора. К счастью, эту стадию мы уже, кажется, пережили.

Я в очередной раз за неделю достала билет на свой рейс и с улыбкой прижала его к груди. Всего лишь ничтожный клочок бумаги – как мало нужно для счастья. Пара часов в пути, и я снова буду с ним рядом. Он снова меня обнимет. И покажет свой дом. И город, о котором мечтают многие.

Уже завтра. Совсем немного.

Ещё со вчерашнего вечера я собрала чемодан, тщательно всё проверив. Это, конечно, не говорит о том, что я ничего не забуду, но самое необходимое точно в нём.

Я так ждала это «завтра»! Но если бы знала, чем оно обернётся…

Уверена, Ларри сто раз укорил себя за то, что устроил этот сюрприз. Кто же знал? Кто мог предчувствовать?

Глава 7

Когда случается очередной взрыв, авария или крушение самолёта, мы чувствуем боль. Если человек не совсем отупел от эгоизма, он наверняка ощущает это. Может быть, больше оттого, что на какой-то миг представляет себя в той ситуации, которая произошла и унесла чьи-то жизни, сломала судьбы.

Никто не знает, с кем и когда это произойдёт в следующий раз. Иногда – по роковому стечению обстоятельств, иногда – из-за людей, которые давно перестали воспринимать друг друга за индивидуумов, скорее – как средство для достижения цели. А в этом, как известно, любые методы годны. Чем больше убьёшь, чем больше разрушишь и запугаешь, тем лучше.

В тот день, когда я в радостном предвкушении считала последние часы до встречи с Ларри, это случилось и со мной. Закончилось, к счастью, как нельзя лучше, потому что все живы и нет пострадавших, не считая моральных увечий и нервных срывов, которые случались у людей, едва они сходили с трапа злосчастного рейса. Что касается меня… Я мало что помню. Правда. Как будто сработал внутренний механизм защиты.

Я не помню, как всё началось и откуда тот тип в маске взялся. Я не помню, что он кричал, хотя говорил он на ан-

глийском. Не знаю, сколько нас там держали, отобрав все личные вещи.

Помню лишь, что непрестанно думала о родителях и о Ларри – о том, что они сейчас чувствуют, и что будет дальше. В голове билась мысль: «Это всё? Всё? Нас сейчас убьют? Жизнь закончится?». Я готова поклясться, никогда в жизни мне ещё не хотелось так сильно жить!

Я не знаю, сколько времени провела в самолёте. И, как потом говорили эксперты, большая удача, что всё началось не во время полёта, а когда самолёт заходил на посадку. Когда я уже практически готова была на всех порах мчаться к Ларри и считала последние наши секунды вдали друг от друга.

Потом в моей памяти был провал. Я ничего не помню. Что происходило? Как мы встретились с Ларри в конце концов? Что он мне говорил? Куда мы отправились? Сработала какая-то внутренняя защита. Я не сильна в этих психологических терминах, и желания углубляться во всё это не было. Было лишь одно желание – поскорее забыть это как страшный сон.

Пришла в себя я лишь на следующий день. Как будто целые сутки вырезали из моей жизни. Я осознавала, что это было, но ничего не помнила после. У Ларри спрашивать о том, что было вчера после того, как я наконец выбралась из самолёта, не стала. Не хотела прибавлять к вороху его дел и проблем ещё больше.

Мы отправились на интервью – в смысле, Ларри отправился, а я за компанию в виде… помощника менеджера или кем он там меня всем представлял? Если кто-то и узнал во мне «бывшую девушку Ларри», то вида не подал, за что я очень была всем признательна. Всем до единого.

После забавного интервью был обед, и я, заметив пропущенный звонок от мамы, забеспокоилась. Звонила ли я ей вчера? А Люде? А Мэй? Они ведь все беспокоятся.

Пролистала журнал вызовов – звонила. Спасибо создателю телефонов за то, что придумали сохранять историю. Представляю, как нелепо я бы выглядела сейчас, спрашивая у Ларри или у каждого из друзей: «Я тебе не звонила вчера?». Хотя Ларри бы точно понял.

Потом у Ларри был саундчек, и я устроилась в зале в третьем ряду, достав свой любимый фотоаппарат и приготовившись сделать несколько кадров «кумира в работе». Но не успела я снять чехол, сзади раздался приятный женский голос:

– Привет! – и тут же рядом со мной села Алисия.

Я никогда не видела её наяву, но, конечно, узнала. Вот кто скрашивал одинокие вечера Ларри после концертов в туре последние несколько месяцев. Нельзя не признать, она была очень эффектная: невысокого роста, но с приятным, милым лицом, смуглой кожей, яркими глазами и густыми тёмными волосами, завязанными в тугой хвост.

– Алисия, – представилась она, протягивая мне руку.

Несмотря на то, что в первые секунды я ощутила весомую ревность, у меня получилось быстро её усмирить. Ну что я, в самом деле, как ребёнок? Я доверяю Ларри, и это не значит, что он должен исключить из своего круга общения всех лиц женского пола.

– Энн, – улыбнулась в ответ, стараясь, чтобы улыбка не казалась натянутой.

Может, мы даже могли бы с ней подружиться. Она гораздо приятнее Кенди, на мой взгляд.

– Сегодня будет особенный концерт.

– Почему? – я повернула голову и взглянула на неё. Она совершенно не выглядела враждебно настроенной или высокомерной. Честное слово, если бы не те фото с Ларри, из-за которых я так ревновала, она, определённо, с самого начала показалась бы мне довольно приятной девушкой.

– Потому что ты будешь на концерте, и для Ларри это будет точно один из самых запоминающихся вечеров, – сказала она.

Я улыбнулась. От всей души, правда.

Мы обменялись ещё парой незначительных фраз – о творчестве Алисии, волнуется ли она перед выступлениями и есть ли планы на будущее по завершении тура. Она была очень открытой, и я бы болтала с ней ещё долго, если бы ей не нужно было идти репетировать. Я сделала и её фото тоже, отметив про себя, что Алисия очень фотогенична.

Концерт и впрямь был восхитительным. Или это я отвык-

ла от живых выступлений Ларри и потому с жаром ловила каждую ноту, каждое слово. Фанаты тоже остались довольны, тем более что им удалось дважды вызвать артиста на бис.

Потом у Ларри и Алисии была встреча с фанатами, и я в это время просто сидела в соседней гримёрке и листала ленту в своём Инстаграме, любуясь свежими фотками с концерта, читая новости друзей и мира, и, в общем-то, не загружая свой мозг ничем существенным. Проверила ещё, не появились ли новые сплетни обо мне и Энселе, но кроме тех фоток у ресторана и внутри (они и это успели?), где вполне отчётливо было видно моё лицо – ничего. То ли Ларри не видел, то ли просто остался спокоен. Скорее, первое. Да и есть ли смысл затевать разговор?

За ужином я больше молчала. Мне было хорошо рядом с ним, но все силы словно выжали. Я мучилась из-за тайны, которая терзала меня, хотя и пыталась убедить себя, что это пустяк. Но говорить открыто тоже было уже слишком поздно. А ещё размышляла о том, как полечу обратно. Мне хотелось остаться подольше, но я понимала, что Ларри не сможет носиться со мной как сегодня изо дня в день, а одной мне тут нечего делать.

Ларри не сразу, но согласился. Закрывать глаза на очевидные вещи о том, что невозможно совмещать насыщенную программу тура и личную жизнь, оказалось бессмысленно.

Я вернулась в Лондон, и всё продолжилось. Не скажу, что это была счастливая жизнь, какой я себе её представляла,

но она как-то шла, и я с ней смирялась. Хотя мне и хотелось востребованности в профессии, хотелось чаще видеться с Ларри, выйти замуж и жить заботами наших детей.

Сколько времени прошло, прежде чем прогремел новый выстрел? Пара недель. Мы с Ларри уже собрались отметить это Рождество вместе, договорившись, что сперва погуляем среди обычно пустующих в этот день улиц, затем посмотрим какой-нибудь фильм, а после отправимся на ужин к его родителям. Я успела купить всем подарки, и тот свитер с оленями для Ларри, который был очень мягким и должен был подойти по размеру.

Я успела закончить работу с фотографиями Энсела и отправить их. Он для приличия повосхищался, а через пару дней написал, что менеджер просит досъёмку.

Какую еще досъёмку?

Энсел и сам будто бы был не рад, так что его речь по телефону больше напоминала мне оправдания.

– Пол сказал, нужно больше крупных кадров. Мы хотим сделать книгу фотографий для делюкс-издания альбома.

Я выдохнула, стараясь не показывать своего беспокойства. А если это опять провокация?

Но это – моя работа, и я должна быть, прежде всего, профессионалом. Отказываться нужно было сразу. Теперь, будь добра, доведи дело до конца.

А ведь поклялась больше с ним не встречаться!

Вдох-выдох. Уже лучше.

– Хорошо.

В последний раз.

– Когда?

– Завтра? – вопросом на вопрос ответил он.

– Хорошо, – повторила я.

– Сколько потребуется времени?

– Час, – прикинула я. – Может, сделаем в студии? Раз уж нужны портреты, я могу потом обработать…

– Пол сказал, всё должно быть в одной стилистике.

Ну конечно, это же Пол у нас рулит процессом.

Что мне оставалось делать? На свой страх и риск вновь ввязаться в эту авантюру.

К счастью, в этот раз Пол отсутствовал, и я чувствовала себя гораздо свободнее. Нечего нам, конечно, делить, и я должна быть благодарна ему за нашу с Ларри встречу, но… Слишком много недосказанностей, скрытых обид и недопонимание сложились в общую картину наших взаимоотношений.

Отснять портретные фото Энсела удалось за час, как и планировалось, и я уже собирала свои вещи, чтобы отчалить, как неожиданно парень оказался позади меня, очень близко, и его голос заставил вздрогнуть и обернуться.

– Энн…

Расстояние между нами было недостаточно большим, чтобы чувствовать себя уверенно и свободно. Я дорожу своим личным пространством, особенно если речь идёт о мало-

знакомых людях. Неловко сделала шаг назад и едва не приземлилась на пятую точку. Энсел вовремя сориентировался и схватил меня за руку чуть ниже локтя.

– Спасибо, – пробормотала я не слишком доброжелательно.

В конце концов, если бы он так близко не подошёл, я бы и не подумала падать.

– Это я должен сказать спасибо, – улыбнулся он как ни в чём не бывало. – С тобой очень легко и приятно работать.

Сказал уже, чего ещё?

Кивнула, продолжая собираться. Вот я невежа.

– Как насчёт ужина?

Опять двадцать пять!

– Энсел…

– У тебя кто-то есть?

И не ответишь тут однозначно. Хотя, если я не буду называть его имени…

– Да, у меня есть парень, и мне хватило прошлого раза с фотографами.

– Он очень ревнивый?

Взглянула ему в глаза. Притворяется, что не знает, или Пол и впрямь ему не доложил? А может ли быть такое, что Пол и сам ни о чём не знает?

– Я не хочу его провоцировать.

– Неужели он не доверяет тебе?

Я сделала глубокий вдох и выдох через нос, стараясь, что-

бы это было не очень заметно. Ну не умею я решительно говорить людям «нет». Боюсь их обидеть. Может, стоит учиться?

– Дело не в этом. Я просто не вижу смысла в…

– Я понял, ладно, – он поднял руки в жесте «сдаюсь» и рассмеялся. – Но хоть на презентацию альбома я могу тебя пригласить?

– Пригласить можешь, но получится ли прийти – не уверена.

– Это будет двадцать третьего декабря на премии Great Music.

Я удивлённо приподняла бровь. Фантазия Пола на тему «Как заработать побольше денег и привлечь максимальную аудиторию» никогда не иссякнет.

– Мы решили отойти от привычной концепции. Я представлю альбом на красной дорожке, и ты могла бы выйти со мной как автор обложки. Потом я исполню премьеру песни. Может быть, что-нибудь выиграю. Оставаться ли на вечеринку после – решишь сама. Тебе ведь это тоже выгодно: появятся новые клиенты. Может быть, даже из шоу-бизнеса.

Он отлично знал, на что давит. Именно от наличия или отсутствия клиентов зависело, задержусь ли я ещё в Лондоне. Деньги стремительно таяли, а заказов было смертельно мало. Смертельно – потому что ещё немного, и мне придётся переходить на голодную диету.

– Я подумаю. Сколько у меня есть на это времени?

«Это хороший шанс, – твердил разум. – Надо выжить. Ты ведь не станешь просить денег у Ларри».

Не стану. Только придётся ему обо всём сказать. Сегодня же.

– Премия через неделю. За пару дней мы должны заявить количество гостей.

– Ладно. Я сообщу на днях. В любом случае, спасибо.

Натянуто улыбнулась и помахала рукой. Ларри точно не будет этому рад. И я заранее знаю, что напишут таблоиды уже следующим после премии утром. И за мной почти наверняка устроят слежку. А если увидят, что я встречаюсь с Ларри?

Мне определённо следовало с ним посоветоваться. Он смыслит в этих делах, несомненно, больше меня.

Вернувшись домой, включила мобильный (не люблю отвлекаться во время работы), и увидела несколько пропущенных вызовов от Ларри.

Тотчас перезвонила, надеясь, что у него ничего не случилось, и он не занят прямо сейчас на съёмках. Слушая гудки, мысленно отсчитала в уме разницу во времени (и почему не сделала этого раньше?). В Лос-Анджелесе утро. А у меня день подходит к концу. Замучили эти несовпадения. Когда я жила в Москве, а он в Лондоне, разница составляла всего два часа.

Наконец он ответил, и я не могла не признать, как рада слышать его. С этим нужно что-то делать, я не могу так дол-

го не видеть его. Ведь это несерьёзно – вести телефонный роман, когда тебе далеко не пятнадцать.

– Как прошёл день? – поинтересовался он.

Ну что ж, сразу, значит, сразу.

Но почему-то ладони вспотели. Как будто нашкодила.

– Знаешь, день был весьма насыщенным. Съёмка для альбома, сразу несколько образов…

– Для альбома? Чьего альбома?

Вот этот миг.

Вздохнула.

– Энсела Сейджа.

– Пол тоже там был?

Значит, он в курсе истории. Если бы мы были рядом, давно бы обсудили это и посмеялись, а теперь тон беседы казался мне напряжённым. А ведь ещё предстоит рассказать об участии в премии. Интересно, Ларри на неё не приедет? Я не подумала об этом, но ведь это вполне вероятно. Рождество мы отпразднуем в Лондоне вместе, значит, и двадцать третьего он вполне может быть там.

– Был, – постаралась придать голосу оттенок безразличия. Какое мне дело до Пола? – Мы не общались.

Он не воспринял мою информацию.

– Я думал, съёмка для моего альбома будет для тебя первой.

– Ну, ты же не торопишься, – попыталась свести всё к шутке, уже понимая по тону Ларри, что всё идёт далеко не так,

как я планировала. Он явно злился.

– И как Пол? Рад был вашей встрече? Это же ведь была его идея?

– Нет, Энсела. Пол, по-моему, был просто в шоке, снова увидев меня.

Немного преувеличила, конечно… Лично мне так не показалось. Но зачем распалять гнев Ларри ещё больше?

– Мы знакомы с сестрой Энсела. Оказывается, она живёт неподалёку, мы вместе учились в школе фотографов, только она не закончила их потому, что вышла замуж и забеременела. Мы недавно с ней встретились в торговом центре, поболтали, и я рассказала, чем занимаюсь. А она сказала, что её брат сейчас ищет фотографа с качественным материалом, свежими идеями, но небольшими финансовыми запросами. Я тогда честно сказала, что особого опыта в съёмке людей у меня ещё нет, но она попросила сбросить фотки на почту. И уже на следующий день Энсел мне написал, сказав, что ему нравится мой подход, и он хочет со мной сотрудничать. Вот и всё.

– И давно это было?

– Три недели назад.

– Значит, ещё до того, как ты прилетела ко мне в Лос-Анджелес? И ничего не сказала?

Ну зачем ты начинаешь всё это, Ларри? Прекрасно ведь знаешь, что когда я вышла наконец из того самолёта, мне было совсем не до разговоров.

Но он злился. С трудом себя сдерживал. И хотя я не видела сейчас его глаз, прекрасно всё понимала по тону.

– Да в чём дело, Ларри?

– Ты опять связалась с Полом! – повысил он голос, и я невольно сделала то же самое.

– Мы с ним даже не общались!

– А тебе было мало общения с ним? Ты просто не понимаешь, в какую ловушку он снова пытается нас заманить!

– Да какая ловушка тут может быть? Это просто моя работа!

– «Просто работой» для тебя был и контракт со мной.

Вот оно что… Вот что мучает его до сих пор.

– Вот, значит, как? Ты считаешь, что я продалась? Может, и прав, конечно. Только действие контракта давным-давно закончилось, а я всё ещё с тобой. Или это уже неважно? Может, ты думаешь, что если Пол мне что-то предложит опять, я брошусь во все тяжкие? Да он на дух меня не выносит после нашей с тобой истории!

Но Ларри будто меня не слышал. Он не унимался.

– Значит, тебе и самой нравится проводить с ним время?

– С кем?

– С Энселом!

Я устала ему доказывать. Я готова была, конечно, к тому, что он не обрадуется, но не к такой реакции точно. И ведь речь ещё не зашла о премии.

– Это была рабочая фотосессия, а не развлечение! Почему

я должна убеждать тебя в этом? Ты ведь сам говорил, что мы должны доверять друг другу!

– Значит, ужин с ним тоже входит в твои обязанности фотографа?

– Ужин?

Знает, значит.

Всё знал и молчал? И как долго?

– Представь себе, я в курсе! Все пользователи Интернета уже в курсе, судача, что бывшая подружка Ларри Таннера теперь встречается с новым подопечным Пола, который, мало того, что копирует мой стиль в одежде и музыке, так ещё и девушку мою…

– Господи, Ларри, это ведь провокация!

– Ты ужинаешь с ним в ресторане – это провокация? Ваша романтическая прогулка у Меловых скал – тоже провокация?

У Меловых скал? А там-то нас кто сфотографировал?

– У нас там была фотосессия!

– А после фотосессии? Что вы делали после?

– Я пошла домой!

– Ты пошла домой? Правда, что ли? И он даже не подбросил тебя до дома? Не захотел сыграть тебе свои новые песенки?

Это уже переходило все границы.

– Давай мы поговорим в другой раз? Ты сейчас просто не в состоянии меня слышать!

То, что я услышала после, окончательно меня добило. Наверное, он рассчитывал именно на это. На то, что мне будет больно.

– Будет ли у нас этот «другой раз»?

Я даже не сразу нашлась, что ответить.

– Ну что ж, значит, так тому и быть…

Имеет ли смысл обсуждать ещё что-то? Мы сказали друг другу сполна.

Я сбросила вызов.

Надеялась, что Ларри был просто не в духе и позже перезвонит. Ну или завтра.

Но он не звонил.

И я приняла решение.

Я понимала, что забиваю последний гвоздь в разрушение наших с ним отношений, но гордость – проклятая гордость – кричала: «Докажи ему, что ты что-то стоишь. Что ты не льёшь в одиночестве слёзы, не ждёшь, пока он объявится снова. Что не нуждаешься в разрешении. Ты можешь жить без него».

Я могу, но что это за жизнь? И зачем мне Лондон без Ларри? Я понятия не имела, как буду действовать дальше, и уж тем более не собиралась повторять нашу с ним историю вновь, теперь уже с Энселом, но за повод какой-то детской игры: «Смотри, у меня всё отлично!» – ухватилась обеими руками. Ухватилась – и проиграла. Потому что никак не могла предугадать, что у Пола и Энсела может быть свой сцена-

рий. Свои грязные игры. И вот у них-то как раз всё рассчитано.

Ларри был прав. Такие как Пол не проигрывают. И не прощают. Такие как Пол разрушают таких, как я. В этом наша принципиальная разница.

Глава 8

Сложно не признать: Пол отличный стратег. Он заранее просчитал мои мысли и выстроил свои ходы. Это несложно. Мы были знакомы, да и опыт общения с разными людьми у него был достаточно высок. Он выиграл, я проиграла. Но проиграла самое важное – наше доверие с Ларри друг другу.

На следующий день после скандала по телефону, который он мне устроил, я отправилась в кафе к Мэй. Её смена заканчивалась через полчаса, а я в это время устроилась у окна с довольно хорошим видом на тихую улочку Лондона, потягивала манговый смузи и всё не могла отделаться от мыслей о произошедшем.

Раньше я делилась с мамой и Людой. Но сейчас, находясь в Лондоне, я не хотела расстраивать маму, понимая, что услышу в ответ лишь одно: «Возвращайся». Она любила меня и желала лишь счастья – только поэтому и отпустила. Ей и мой переезд в Москву с трудом дался, так что, собирая чемоданы в другую страну, я уверяла:

– Ну что изменится? Можешь представить, что я в Москве. Разница во времени всего два часа.

Но действия мои слова не возымели. Да ещё и этот извечный вопрос: «Вы поженитесь?». Как будто я могла знать, что у него на уме! Как будто подтекстом шло: «Аня, тебе два-

дцать семь, пора уже думать о детях». Ужас, в общем. Как подумаю, так кажется, что я уже престарелая и несостоявшаяся в жизни и профессии женщина.

А Люда… Она теперь замужем, и интересы чуть-чуть расходятся. Одно дело, общаться, когда вы рядом и видитесь каждый день. Ну или хотя бы пару раз в неделю, как мы с Мэй. Когда у вас общий ужин и интересы. И совершенно другое – когда вы в разных странах, в разных статусах и стремитесь к разным вещам. Она приняла то, что есть. Я бы, может быть, тоже, если бы не встретила в своё время Ларри. А теперь, когда я узнала другую жизнь – яркую и насыщенную, когда влюбилась в этот город (как бы не твердила, что без Ларри он мне не нужен), я не могу просто сдаться. И Мэй меня в этом поддерживает.

Закончив смену, она подсела за мой стол.

– Посидим здесь или где-нибудь прошвырнемся? – уточнила я.

Она поморщилась.

– Можем и посидеть, но не здесь.

Я её понимаю.

Мы вышли в прохладный декабрьский день, и после пары дежурных вопросов я рассказала ей всё о вчерашнем дне – сперва предложение Энсела, потом возмущение Ларри.

– Он ревнует, это же очевидно, – констатировала подруга, кивая в сторону вывески небольшого кафе и первой туда поворачивая.

Внутри оказалось тепло и уютно. Я заказала тосты и апельсиновый сок. Мэй взяла чай с молоком («Привыкаю быть англичанкой») и какой-то салат с грибами, листьями салата и чем-то ещё.

– Значит, ты решила принять предложение Энсела ещё до разговора с Ларри?

– А что здесь такого? – переспросила я, отлично понимая, *что* здесь такого, и что возмутило моего парня. Моего ли уже?

Мэй не стала мне отвечать.

– Где вы с ним вообще пересекаетесь?

– Не знаю, как это вышло. Мы встречались всего три раза – в ресторане, когда обсуждали детали, на фотосессии и на досъёмке. А фотографии по всему Интернету.

Сама вчера проверяла.

– И на этот раз Пол не против?

– Не знаю.

– Ну, раз фотосессия состоялась, значит, не против. А ещё значит, это его рук дело.

Я покачала головой. Может, вчерашний скандал был лишь поводом для расставания. У любых отношений должно быть развитие. Если они слишком долго находятся в одной фазе, начинается затухание. Обоим это не нравится. Каждый стремится тянуть на себя, и в итоге хрупкая материя отношений рвётся. Нам нужно было что-то решать. Я сделала шаг – бросила всё и переехала в Лондон. А Ларри? Ларри уехал в Лос-

Анджелес. И пока я хоть как-то пытаюсь устроиться здесь, он начал мне выставлять претензии, забыв о том, что я нахожусь в чужой стране и мне надо выжить. Что я не буду жить на чьи-то подачки, пусть это и помощь со стороны Ларри, который мне небезразличен.

Он думал, что каждый раз, когда у него будет такая возможность или желание, мы сможем встретиться. Но я не могу подстраивать под него всю свою жизнь! Да и почему я? Всё время я!

Однажды, когда он прилетел в Лондон на съёмки шоу талантов, у него выдалось несколько свободных часов, но мы не смогли провести их вместе из-за того, что у меня была запланирована портретная съёмка, а после – собрание творческой группы, которая теперь вот-вот развалится. Заказы совсем поступать перестали.

Он не обиделся (или сделал вид, что всё в порядке). А обида меж тем копилась. И у него, и у меня. Взаимная неудовлетворённость друг другом – так это называется?

– Ну ты даёшь, подруга, – покачала головой Мэй. – В России особым вниманием у мужского пола вроде не пользовалась, а в Британии нарасхват.

– Просто русским парням я пришлась не по вкусу, – засмеялась в ответ. – А здесь вроде как эксклюзив. Это, знаешь, когда у всех булочки с маком, а ты выбираешь с вишней, потому что не любишь быть таким, как все.

– Ну ты завернула. Может, тебе, как и Ларри, расширить

сферу деятельности и написать книжку?

– О булочках?

– Об искусстве любви.

– Я далека от любви как искусства. Если только о том, как ужиться с трудным характером поп-звезды и не умереть от одиночества в его отсутствие.

– А почему нет?

– Скажи, Мэй, ты тоже думаешь, что я поступаю неправильно? – вновь посерьёзнела я.

– Не знаю, Энн, есть ли здесь правильные решения. Но выживать правда надо, а Ларри этого не понимает. Он не хочет делиться любимой игрушкой, вот и всё. Энсел прав: если Пол не устроит из этого очередную провокацию, это принесет тебе нужную славу. Именно как фотографу. Ты сможешь начать зарабатывать наконец на нормальную жизнь. Сама. Без помощи Ларри. – Она протянула ладонь и сжала мою руку. – Я бы рискнула.

***

Разодетые звёзды – кто во что горазд: пух и перья, ночные рубашки и немыслимые цветы в волосах, прозрачные брюки и юбки, больше напоминающие широкие пояса. Это называется эпатаж.

Было и несколько красивых, на мой взгляд, нарядов. Правда, цена таких платьев и белого брючного костюма пе-

вицы Риты Оры, который тоже мне приглянулся, наверняка была за пределами годовой аренды моей комнаты в студенческом общежитии.

Я с помощью Мэй, выделив со слезами на глазах приличную сумму из своего бюджета, выбрала платье чуть выше колен, подчёркивающее фигуру – я ведь не главная звезда этого вечера. Верх был золотым, но не ярким, а тёмным, густым, с коричневатым отливом, а к юбке светло-коричневого цвета спускались лишь тонкие струи этого золота – похоже на звёзды. Очень красивое. Перед был закрытым под горло, но без рукавов, а на спине декольте. Как представила, что Энсел будет меня приобнимать – хотела отказаться, но Мэй убедила, что платье отличное, а от руки Энсела всегда можно отодвинуться в сторону. Вручила мне свой тёмный браслет и массивные серьги, которые дополнили образ, и заверила, что выгляжу я отлично. Хотела меня ещё и к парикмахеру отправить, но я сказала:

– Уж много чести! Сама себе локоны сделаю.

– Лучше высокий хвост.

– Ладно.

– А кончики всё же завей.

– Договорились, – с покорностью кивнула я.

Мне всё меньше и меньше нравилась эта идея, но отказываться было поздно. Разве что притвориться больной. Но деньги уже потрачены, да и подводить человека негоже. Переживу, в самом деле.

А Ларри всё не звонил. И я не могла не думать об этом.

– Ты такая красотка! Если Ларри тебя увидит – а он наверняка увидит, хотя бы в записи – просто язык проглотит, – заявила Мэй, докрасив мой левый глаз и поворачивая моё кресло к зеркалу.

Оттуда на меня смотрела вполне симпатичная девушка.

Но я не чувствовала триумфа.

– Кое-чего не хватает, – нахмурившись, произнесла Мэй.

– Чего?

– Улыбки, – она руками схватила мои щёки, растягивая губы в стороны. Стало даже немножечко больно. – Давай же, Энн! По твоему лицу сейчас можно только прочесть, что для тебя наступил конец света. Попробуй получить удовольствие от этого вечера.

А я не могла получить удовольствие. Не могла отпустить ситуацию и расслабиться. Я всё думала, зачем согласилась на это? Чтобы что-то доказать Ларри? Но эффект будет обратным, он попросту не захочет со мной общаться.

Уже не общается. Что ты теряешь?

Я постаралась. Пока ехала в такси к зданию концертного зала, где будет проходить красная дорожка и премия, провела работу над собой, убеждая в том, что всё в порядке, и я должна блистать. Все эти звезды тоже далеко не всегда счастливы, появляясь на публике, но по ним и не скажешь. Чем же я хуже? У меня даже было пару уроков по мастерству держаться на публике, когда я была фиктивной девуш-

кой Ларри. Что же сейчас мне мешает?

А мешали сомнения. Вдруг будет Ларри? Вдруг мы там с ним пересечёмся?

Я выбралась из автомобиля и, отойдя в сторону, набрала номер Энсела. Он подсказал мне, куда идти, и через пару минут встретил у входа в служебное помещение.

– Отлично выглядишь, – оглядев меня восхищённым взглядом, прицокнул он.

Я выдавила улыбку, понимая, что, если бы эти слова принадлежали Ларри, моя реакция была бы иной – гораздо более естественной.

Мы поднялись на второй этаж, в гримёрку Энсела. Именных табличек здесь не было, просто порядковые номера. Внутри было чисто, но неуютно – голые стены, маленький шкаф за дверью и столик с зеркалом. При этом комната по форме напоминала прямоугольник, и в ней не было ни одного окна. Ещё здесь было два стула, и Энсел указал рукой в сторону одного из них, а другую руку завёл за голову, словно в нерешительности.

– Присаживайся. У нас ещё есть двадцать минут.

– Тебе разве не нужно готовиться?

– Нет, – покачал головой он.

– А где гитара? – я даже осмотрелась, вдруг не заметила?

– Сегодня я без неё. Новая песня.

Как будто это всё объясняло.

Ларри предпочитает исполнять новые песни под инстру-

мент.

При чём здесь Ларри?

– Кто ещё заявлен? – поинтересовалась, ожидая услышать знакомую фамилию.

Энсел ответил, назвав несколько известных персон, но не ту, что я ожидала.

И в этот момент дверь позади меня резко открылась, и я обернулась.

Как будто это мог быть он! Как будто мог забрать меня отсюда, узнав каким-то образом, что я здесь, и на красную дорожку мы вышли бы вместе. И все бы узнали, что мы настоящая пара.

Это был Пол. Мечты звонко разбились о старый паркет – в моих фантазиях, разумеется.

– Выйди на минутку, – заявил менеджер Энселу, не удостоив меня ни приветствием, ни даже взглядом.

Я вжалась в стул. Что происходит?

Энсел, словно послушная марионетка, покинул комнату. И это сильно отличало его от Ларри.

Пол тотчас занял его место, закинув ногу на ногу, и пристально посмотрел мне в глаза. С какой-то скрытой угрозой. Так он, наверное, привык работать со своими подчинёнными. Вон как Энсел его испугался.

Но я-то не подчинённый.

Смотрела с вызовом, не отводя взгляд. Чего мне бояться?

Он всё молчал, и я не сдержалась.

– Хотели поговорить?

Он словно очнулся.

– Ага. Есть к тебе предложение. Деловое.

– Я заранее говорю «нет».

Он пропустил это мимо ушей.

– Видишь, я взялся за нового мальчика – не менее талантливого, но гораздо более послушного. Он доверяет тем, кто старше и опытнее, и правильно делает.

Всё это – на одном выдохе, и глаз с меня не спускает. К чему это всё?

– Я мог бы найти и другую девушку, но ты так вовремя снова возникла, что я подумал: а почему бы не Энн? Тем более в прошлый раз ты отлично справилась с ролью.

Что? Он предлагает мне снова…

– Не хочешь побыть девушкой Энсела? Я даже не буду запрещать вам этого, если влюбитесь в самом деле, – хмыкнул он. – Оплату обговорим. Но не обижу, ты знаешь.

Я тоже хмыкнула. Скрывая ужас.

– Нет, не хочу.

– Это только одна сторона медали.

Приподняла бровь. Ну говорите уже, раз начали.

– Если откажешься, придётся пойти на подлость. Как думаешь, если какая-нибудь газетёнка найдёт наш договор о том, что ты соглашаешься быть девушкой Ларри Таннера, как скоро они всё сопоставят?

Что-то я не понимаю.

– Сопоставят что? Что мы всех дурили?

– Дурили, а для чего? – плавно подводил меня Пол. – Ты хоть представляешь, во что это выльется?

– Мне плевать. Это было давно, кому это интересно?

– Ошибаешься. Время здесь не имеет значения, – он неспеша потёр нос и удобней откинулся на спинку жёсткого стула. – Поверь мне, если пресса узнает об этой договорённости, у Ларри будут большие проблемы, и это подмочит его идеальную репутацию так – не отмоется. Например, если скажем, что этот договор был составлен для того, чтобы скрыть его настоящую ориентацию. Скажем так, не совсем традиционную.

Что? Настоящую ориентацию?

– Да кто поверит в этот бред?!

– Ты недооцениваешь силу сомнения, которое посеет в людях эта новость.

– Мне всё равно, – фыркнула. – Это проблемы Ларри.

– Да? – смотрит недоверчиво.

Значит, знает о нас с ним. Но и эта информация устаревшая. Мы не общаемся уже неделю. И что будет дальше (и будет ли) – тоже вопрос.

– Ну что ж, – развёл руками. – Вольному воля.

Заметив, что уходить он не собирается, я встала сама.

Одёрнула платье и поспешила к двери, не забыв гордо расправить плечи.

Ведь он не блефует? Я знаю, что не блефует. Да, он это

сделает. И всё, что я могу – это предупредить Ларри. Но будет ли толк от такой информации? Что его новый продюсерский центр сможет сделать? Да и ответит ли Ларри? Поверит ли мне?

Уже у двери я обернулась.

– Не пойму только… Зачем вам это? За что вы до сих пор ему мстите?

– Я? – губы растянулись в улыбке, но глаза остались колючими. – Что ты, деточка. Я давно всех простил. Иначе он не отделался бы так легко.

Ну конечно.

Ушла. Даже дверью хлопать не стала.

Теперь бы Энсела найти.

Набрала его номер.

– Я у кулера с водой. Спустись на первый этаж.

Когда я к нему подошла, он взглянул вопросительно, но я ничего не сказала, а он не стал спрашивать.

– Трансляция через десять минут. Наш выход в начале, четвёртым номером.

– Ладно.

«Ладно», – вот всё, что я сказала ему. И молчала до самого выхода.

Конечно, на нас смотрели. Оценивали. Строили версии, кто мы друг другу. Я лишь надеялась, что Энсел не получил команду от Пола и не начнёт плести ерунды перед публикой.

Всё обошлось.

– Энсел Сейдж! – выкрикнула ведущая, и мы вышли, не держась за руки. – О, да ты не один, а со спутницей, – почти искренне удивилась ведущая. – Представь нам её.

– Это потрясающая девушка, которая сделала мне крутую обложку для первого альбома. И все фотографии к буклету, который также будет внутри – её авторства. Её зовут Энн, и я нереально рад, что нам удалось познакомиться и поработать.

Я была очень скована. Всё время переживала, не начнутся ли шуточки о том, что между нами «не только работа», или кто-то вспомнит о том, что я уже бывала здесь раньше – вместе с другим звёздным парнем.

Но ведущая быстро потеряла ко мне всяческий интерес.

– Я знаю, что ты подготовил сюрприз своим фанатам. Расскажи о нём.

– Да. Сегодня на премии я представлю новую песню, а уже завтра альбом можно будет купить везде!

– Но я знаю, что ты принёс его с собой. Это правда?

Ассистент в чёрной футболке с названием телеканала тут же услужливо подал альбом, и Энсел начал его представлять, а ведущая, чересчур переигрывая – восхищаться.

На это ушло не больше пары минут, после чего парень щедро подарил ей своё творение под приторное аханье, и нас отпустили.

– Всё хорошо, – подбодрил он.

Неужели у меня и вид такой же, как самочувствие?

– Мы сейчас в зал?

Если честно – хотела сбежать. Кто меня там увидит?

– Можем… – начал Энсел, но не закончил. Его телефон зазвонил. – Извини.

Отошёл в сторону. С кем-то настороженно поговорил. Я не вслушивалась. Может быть, стоило. Тогда бы не чувствовала себя полной дурой после того, как…

Энсел вернулся и натянутая улыбка, к которой я уже даже привыкла, словно говорила о том, что он тоже здесь не в своей чашке.

– Может, зайдём в гримёрку? Мне нужно забрать кое-что. У нас ещё есть немного времени.

Пожала плечами. Мне всё равно. Лишь бы это скорее закончилось.

Но ситуация вышла из-под контроля практически сразу, едва мы вошли в эту комнату, в которой не было совершенно никакого уюта.

Я зашла первой – Энсел меня пропустил. Закрыл дверь, прошёлся к окну и вернулся обратно, загородив собой путь. Сложив ладони перед лицом, словно в молитве или задумавшись, посмотрел на меня пристальным взглядом. А потом выдал:

– Зачем ты отказала ему?

– Что? Кому?

– Полу.

Я качнула головой в духе: «Снова здор*о*во». Ты-то куда с нравоучениями?

– Ты понимаешь, что он и впрямь может сделать то, что пообещал?

Значит, он тоже знает? Про Ларри и про разговор. Тем лучше. Уйду прямо сейчас и никто не заставит оправдываться.

Встала со стула, но не тут-то было.

Энсел схватил меня за руку.

– Он не сможет любить тебя так, как я!

Что тут вообще за спектакль?

Вырвала руку и смерила взглядом:

– Ты псих? Что ты вообще говоришь? Ты совершенно меня не знаешь!

– Мне достаточно того, что я знаю.

– Вот только не надо здесь заливать. В любовь с первого взгляда давно не верю. Скажи, это Пол тебя надоумил?

Но он словно не слышал меня. Словно играл по заученной роли.

– Значит, не любишь меня?

Того, что произошло дальше, я точно никак не могла ожидать.

Энсел рванул к зеркалу и схватил нож. Откуда он там? Да, там были какие-то кисточки, тени, помады – и тонкий складной серый нож вполне мог затеряться. Но кто им здесь пользуется и как про него узнал Энсел?

Уже позже, сопоставив одно и другое, я получила вполне ясный ответ – парень действовал по сценарию. Даже собой

пожертвовал ради этого.

Но тогда размышлять было некогда. Между криком: «Значит, не любишь?», скачком до зеркала и взмахом руки прошло всего пара секунд.

А потом я увидела кровь. Много крови. Энсел поморщился, но не кричал. Смотрел на меня, я это видела. Ждал реакции.

А я смотрела на его руку, вмиг превратившуюся в одну сплошную рану, залитую кровью.

Секунду, две, три…

То, что произошло после, я тоже вряд ли могла предсказать. И Энсел явно не ожидал этого. Потому что последнее, что я увидела – его перекосившееся лицо. Не от боли – от удивления.

Последнее – потому что после я потеряла сознание. Впервые в жизни – от вида крови. А может, от этого ужаса, в который так стремительно скатилась вся моя жизнь.

Глава 9

– Девочка, девочка! – меня легонько стучали по щекам, и я поморщилась.

Почему говорят на английском?

Память вернулась быстро, а вместе с ней и паршивое настроение от того, что случилось. У кого какие таланты, а мой, видимо – вляпываться в неприятности.

Темнокожая женщина лет сорока пяти, которая взяла на себя ответственность за то, чтобы привести меня в чувство, разулыбалась, стоило мне приподняться.

– Не спеши. Церемония награждения уже началась, но мистер Нейтан сказал, что тебя можно домой отпустить. Сама доедешь?

Ну конечно! Мистер Нейтан – Пол, в смысле, – на сегодня уже выжал из меня всё, что возможно. Может, думает, я напугана. Или одумаюсь и завтра прибегу. И, унижаясь, буду просить порвать тот контракт и не порочить честь Ларри. Не буду. Может, пора выбираться из всей этой истории, где я – лишний элемент?

До дома добралась благополучно и сразу же, выпив успокоительного (российский «Экстракт валерианы», хоть что-то родное), легла спать.

А утром меня накрыло. Сказалось всё сразу – нервное напряжение, сомнения, страхи, перегруз организма, отсут-

ствие работы и совершенно туманное будущее. Никогда я не чувствовала себя такой разбитой и абсолютно никчёмной. Такой меня и застала Мэй – в слезах, с отёкшим уже лицом и не имеющую ни малейшего желания что-либо делать.

В обед она позвонила, чтобы спросить, как я после вчерашнего. С первых слов поняла: дело плохо – и тут же приехала.

– Сперва я добью тебя ещё одной новостью, а потом мы будем лечиться, идёт? – «обнадёжила» она, загружая страничку в своём планшете. – Вот, полюбуйся.

«Энсел Сейдж после выступления на музыкальной премии порезал вены из-за любви к бывшей девушке Ларри Таннера».

Ну, здорово! Я даже знаю, какая новость будет следующей.

– Там ещё видео есть из гримёрки, но, думаю, это уже будет лишним.

– Дай посмотреть, – заявила я.

Интересно же, как это выглядит со стороны.

Двадцать одна секунда. Вроде как с камеры видеонаблюдения, но есть монтаж, и мне, как участнику действий, он очевиден.

На восемнадцатой секунде Энсел взмахивает ножом и льётся кровь. Он боком к камере, чётко видно.

Это сценарий, теперь я в этом не сомневаюсь. И мне, как и Ларри, теперь не отмыться. Я поверила, что так привле-

ку к себе клиентов, но кто после этого захочет связываться со мной? Ларри был прав, а я повелась. Наивная дура. Всех растеряла и всё.

Что теперь? Одна дорога – назад. В Москву. Или в свой городишко. Продавцом. Как многие. Или заштатным корреспондентом в районную газетёнку. Выйду замуж за какого-нибудь водителя – непритязательного, не слышавшего об этой истории. Он будет по-своему меня любить, я – терпеть. Родим с ним детей, отдадим в сад, потом в школу. А там и пенсия не за горами. Всё как у всех. Помоталась и хватит. Всё, конец сказочке.

Подумала и опять разрыдалась.

Мэй решила, что это видео на меня так подействовало. Забрала свой планшет, прижала меня к груди.

Ну не могла я ей рассказать! И себе не могла признаться, что уже не смогу жить как все.

Дав мне время поплакать, Мэй решила, что нужно меня лечить.

– Собирайся. Сейчас приведём твой внешний вид в порядок, и отправимся за приключениями.

– Куда? – я всхлипнула по инерции и уставилась на неё во все глаза.

Вот только новых приключений мне сейчас и не хватало!

– В мир сладостей. А куда именно, я тебе потом расскажу.

Это была хорошая идея. Я поняла это, едва выбравшись из дома. Потому что, когда ты оказываешься среди лю-

дей, тебе уже не так больно и одиноко. И даже если завтра всё окончательно рухнет, сегодня я ещё здесь, в Лондоне. И не одна, а вместе с Мэй, которая смело взяла меня за руку и потащила сквозь тернии к звёздам. В M&M's World, если быть точнее. И это действительно был целый мир! Четыре этажа сладостей! Мягкие игрушки и рюкзаки в форме известных на весь мир конфет, наполненные цветными вкусняшками формы в виде слов «M&M» или «Love», подарочные упаковки – например, в виде английской телефонной будки, фигуры героев рекламной акции – Красного и Желтого – в человеческий рост, с которыми можно сфотографироваться, а также кружки, футболки и прочая атрибутика. И возможность узнать, какого ты цвета конфетка. Или сделать эксклюзивные конфеты на заказ.

Цены, конечно, не маленькие. Но запах такой аппетитный – дурманящий вкус шоколада и карамели – даже им уже можно наесться.

Мэй на этом не успокоилась и повела меня в Disney Store – просто полюбоваться. Сработало, знаете ли. Игрушек здесь столько – глаза разбегаются! А ребёнок во мне ещё жив (и будет жить вечно, наверное). Я всегда говорила: «Хочу двоих детей: девочку – чтобы играть с ней в куклы, и мальчика – чтобы играть вместе с ним с радиоуправляемой машинкой». Сомневаюсь, конечно, что такой ненормальной матери можно доверить детей, но зато нам было бы весело, сто процентов.

Повсюду здесь были дети. Очень много детей.

Я не удержалась и купила себе кружку с Лондоном. Хоть что-то. Душа осталась довольна.

Ну, мало ли, вдруг это вообще моя последняя здесь покупка. Скоро денег останется лишь на билет до Москвы.

А потом мы оказались в спортивном зале, но не обычном. Там группа людей в зале выполняет упражнения под быструю ритмичную музыку, свет мерцает, как на дискотеке, а ведущий в микрофон объявляет, что нужно делать. Занятие длится сорок пять минут, и хоть я сперва сопротивлялась (я и спорт – по разные стороны баррикад), мне очень – ОЧЕНЬ понравилось. Вернулись домой мы с огромной коробкой пиццы и, устроившись перед телевизором, довольно быстро уснули.

Мэй не стала меня будить. Сама убрала весь мусор, поставила мой телефон на зарядку и тихо ушла глубокой ночью. Хорошая я хозяйка, нечего говорить.

Утром пришлось извиняться. Но подруга быстро меня перебила.

– Ерунда. Мы здорово провели день. Надеюсь, ты выспалась и больше реветь не будешь?

Выспалась. Не реветь… ну, постараюсь.

Работы по-прежнему не было. Объявление о закрытии нашей творческой группы пришло с утра вместо открытки с поздравлением, и я стала рассылать резюме в разные организации. Но с учётом того, что я иностранка, да и опыт рабо-

ты не слишком велик, надежда теплилась слабеньким огоньком.

И, да, сегодня было католическое Рождество, и весь город праздновал. У Мэй была смена в кафе, а я весь день смотрела кино и читала книжки, отправила эсэмэс с поздравлением Ларри, на которое он не ответил (ну ещё бы, теперь у него есть все поводы обижаться), а вечером вышла на час прогуляться и посмотреть салют. Вот и весь праздник.

Повсюду звучала музыка, способствующая поддержанию праздничной атмосферы, периодически попадались смеющиеся компании и влюблённые пары. Я смотрела на них и улыбалась. А сердце плакало. Тяжело радоваться за других, когда сам несчастлив. Правильно говорят, кто чем полон, тот то и излучает.

«Снега только не хватает», – подумалось.

Я доехала до Пикадилли – вот где было полно народу. Но всё равно одиноко.

А могла бы быть вместе с Ларри и его родителями – в семейном кругу, отмечать по британским традициям: ужин с индейкой и подарки.

Свитер с оленями так и лежит невостребованный.

Почувствовав, что опять вот-вот разревусь, сделала пару глубоких вдохов. Нужно идти домой. Но так жаль, что этот праздник прошёл мимо меня. Что мечты не сбылись, и не только Рождество, но и Новый год мы с Ларри встретим не вместе.

Новый год… Я почти про него забыла. И что же, я также буду встречать его одна? У Мэй будет смена в кафе (тройная оплата – этим всё сказано), а больше у меня близких знакомых и нет. Разве что Найлу позвонить.

Усмехнулась. Глупая затея – ставить человека в неловкое положение. У него наверняка уже есть конкретные планы.

Вместо этого позвонила Люде. После короткого обмена сводками новостей (выложила всё как на духу), она сама, не дожидаясь вопроса, сказала:

– Приезжай хоть на Новый год, а? Я жутко соскучилась!

– Я тоже. Очень.

Вопрос был решён. Вот только с билетом – я не учла, что за пять дней в праздничную суматоху сделать это будет непросто – пришлось повозиться. С ночной пересадкой в Брюсселе я всё же смогла улететь через день, и вдруг ощутила, как сильно соскучилась по Москве, подруге и родителям. По всему родному, что было дорого прежде, а теперь напоминало какую-то прошлую, очень далекую жизнь.

На Красной площади своя жизнь. Не менее веселая, но другая.

Остановившись у Люды и сразу признавшись, что обратный билет ещё не брала, я позвонила родителям и сказала, что приеду второго января. Даже билет на поезд взяла (тоже с боем и за гораздо большую стоимость, чем в обычные дни).

Мы полгода не виделись! Видео по скайпу я не считаю. Мама ради меня научилась им пользоваться, но плоская кар-

тинка никогда не заменит объятий. Да и, находясь на расстоянии от человека, всего не расскажешь. А тут – я словно обрела свободу.

Мы с Людой и её мужем Костей много гуляли, сражались в стрелялки, подруга готовила вкусные блинчики и выслушала весь мой бред – всё, что случилось и накипело. Советов не давала: «Время покажет. Пока мне кажется лишь, что тебе нужно от всего этого отдохнуть».

И я отдыхала. Отметила Новый год с друзьями и их друзьями, раздала закупленные подарки (кроме свитера с оленями и тех, что припасла для родителей), позвонила Мэй и сказала, что пока буду здесь. Она поддержала. Сказала, что сильно скучает.

Я словно выпала из реальности. Даже за новостями следить перестала. Мне было свободно и так хорошо! Я понимала, что вечно это не будет длиться: и придётся что-то решать, придётся искать работу.

Но пока поезд мчал меня в родной маленький город, который уже не казался такой уж дырой. Скорее – отдушиной.

А за окном лежал снег. Настоящий. Такой густой! Самый лучший на свете русский снег.

Глава 10

Я делаю шаг,
Но слышу твоё дыхание за спиной.
Хочу обернуться,
Но боюсь, что исчезнет с дождём призрак твой.
Я здесь,
В том месте, где так часто сводила нас судьба.
В небе гул самолёта,
Может, это ты улетаешь сейчас от меня?
Капли на теле —
То ли дождь, то ли всё-таки слезы.
Время идёт,
Но не несут изменений прогнозы.

Я знаю, о каком месте он здесь поёт. Даже несмотря на то, что эти строчки в дуэтной песне принадлежат Алисии.

Может, я слишком много о себе возомнила, раз думаю, что и эта песня Ларри обо мне? Но его тексты – единственная связь, что осталась между нами.

Да, у меня есть его номер, а у него есть мой – я не стала вынимать в Москве старую симку. Так и хожу с двумя, надеясь на чудо.

Целых три с половиной недели я продержалась в своей «новой жизни». Обещала себе, что не буду оглядываться. Это напрасно и очень больно.

Но сегодня, в субботу утром, встав пораньше, включила свой ноутбук и сорвалась. Мне очень хотелось узнать, что происходит в его жизни.

А произошло много чего. Новая песня, например, вышла.

Слова в бридже особенно зацепили. Особенно больно, я хотела сказать.

Тебя здесь не знают и вряд ли спасут.

Но ты звучишь во всех моих нотах.

Ты решила уйти навсегда, признайся?

Я сделаю это первым, не сомневайся.

Сколько раз подряд я прослушала эту песню? Сначала – с каким-то бессмысленным отупением. Не вникая ни в мелодию, ни в красоту голоса Ларри – только в слова. Он хотел до меня достучаться? Сказать, что сам поставил точку в наших отношениях? Я услышала.

Потом были слёзы. Люда с Костей ещё спали, наверное – потому что в квартире была тишина. А я беззвучно стирала слёзы, которые всё катились и катились, падали на подушку, растворялись, не оставляя следов.

Мне не верилось, что это конец. Но это конец. Потому что ни один из нас уже больше не позвонит и не скажет: «Прости, я люблю тебя. Почему же мы такие дураки? Я снова хочу тебя увидеть».

Я стала листать новости дальше. Музыкальная премия, которая прошла в Америке неделю назад. Ларри не выступал, но получил приз «Лучшая песня». Он пришёл во всем

чёрном: брюки, рубашка и куртка-косуха, но всё равно выглядел очень круто. Рядом с ним в зале сидел Найл, и я невольно улыбнулась. Когда-то эти двое были и частью моей жизни тоже. А теперь это так далеко. Я здесь, в Москве, а там, в шоу-бизнесе, в творческой и личной жизни Ларри всё продолжается дальше. Почему ценность момента осознаётся лишь после того, как это станет воспоминанием?

И, кстати, о личной жизни. Ещё одна порция моих слёз вылилась именно после упоминания об этом в зарубежных СМИ, хотя я и сомневалась в подлинности опубликованных сведений. Но ведь это может быть правдой?

«В сети активно обсуждают роман Ларри Таннера и певицы Алисии – сногсшибательной юной брюнетки, которая успела не только поучаствовать в туре Таннера в качестве артиста, открывающего шоу, но и попробовать себя в роли модели, сняться в нескольких эпизодических ролях в кино, а также появиться на обложке мужского журнала.

Слухи о романе звёзд появились после вечеринки в Нью-Йорке, на которой Ларри и Алисия были замечены вместе – весёлые и счастливые. Пара старается не афишировать свои отношения и редко появляется на публике вместе.

Как сообщают близкие к паре источники, Ларри очень бережно относится к новому роману и не хочет устраивать шоу».

После этого я и закрыла все вкладки.

Нужно жить дальше.

Но я не могла даже представить кого-то ещё с собой рядом. Так сильно все эти годы была привязана к Ларри.

А тут ещё мама, когда я приехала на зимние каникулы, насела: «Что дальше?» и «Когда замуж? Тебе скоро тридцать». Спасибо, что напомнила, мама, но мне ещё 27, и замуж, к сожалению, по щелчку пальцев не соберёшься.

Решила пока остаться в Москве. Люда помогла с работой. Она сейчас занимала должность ведущего дизайнера в одном агентстве с довольно заметным именем в России, и помогла устроиться штатным фотографом. Чтобы я не увязла в депрессии.

Несколько раз в неделю мы по скайпу созванивались с Мэй. Она скучала, звала снова в Лондон, но в конце неизменно добавляла, что главное – чтобы мне было хорошо. А я и сама не знала, что для меня теперь хорошо. Кажется, в двадцать три года я разбиралась в жизни гораздо лучше, чем сейчас. Сейчас всё слишком запуталось.

Я выползла на кухню спустя ещё час. Лежала в постели, слушала музыку без слов и думала. Раньше мои представления о жизни были преимущественно радостными, полными надежд и красивых цветных картинок. Но это не настоящая жизнь. В настоящей жить больно. Никто не заботится о твоём душевном равновесии, не стремится помочь – если не брать в расчёт самых близких.

Мне нужно смириться.

Жизнь продолжается.

Когда-то это будет уже не так важно и не так больно.

Ведь у меня всё отлично. Замечательная работа, и, главное, любимая. Мне не приходится, как многим, работать в две смены за сущие копейки или воспитывать ребенка в одиночку, не видя просвета. Всё ещё впереди. И родной человек, который захочет на мне женится и не станет ждать какого-то определённого возраста, и дети, и путешествия. Только без Ларри. Нужно смириться, что без него.

***

Я посчитала. Сегодня уже семьдесят шестой день без Ларри. После того, как мы пережили год друг без друга, я думала, больше этого не повторится. И ведь скажи сейчас – из-за чего поругались? – толком никто и не вспомнит. Из-за ревности Ларри к Энселу, из-за его недоверия, из-за того, что Пол снова возник в нашей жизни.

Сначала свёл нас, потом развёл.

Усмехнулась.

А ещё из-за моей упрямости, глупой попытки доказать, что я ст*о*ю чего-то сама в стране, где Ларри прожил всю жизнь, а я – без году неделю.

Раньше надо было раскаиваться. Теперь, спустя столько дней, звонить уже поздно.

Да и у Ларри жизнь вроде наладилась. Вчера фоном включила музыкальный канал во время уборки, а там шёл повтор какого-то американского сборного концерта. Ну и куда же

без Ларри? Он теперь мировая звезда. Узнала его с первых нот, ещё до того, как он начал петь. Примчалась из кухни. Благо, в квартире я в это время была одна и некому было обвинить меня в сумасшествии.

Я видела, как плачут под новую песню фанатки. Точно также, как плакала я, когда услышала её в первый раз. Смотрела на Ларри, играющего на гитаре, и на Алисию, находящуюся в другой части сцены. И всё пыталась понять, есть ли между ними что-то, о чём пишут в прессе.

Не знаю. Не поняла.

После выступления был небольшой фрагмент интервью за кулисами.

– Как вам в голову пришла идея записать совместную песню?

– Мы долго ездили вместе по городам во время тура, много времени проводили вместе и решили, почему бы нам не продолжить сотрудничество? – улыбнулся Ларри, глядя на Алисию. Он был почти на полголовы её выше.

Алисия стилю не изменила: короткое красное платье с пайетками, высокий туго затянутый на макушке хвост, идеальные стрелки. Она ведь его достойна, как бы мой эгоизм не шептал обратное. Оба артисты, оба в разъездах, на уме – только музыка. А мне, несмотря на то, что я тоже творческий человек, недоставало внимания и общения с глазу на глаз.

Может, и к лучшему, что мы расстались сейчас. Всё равно дело закончилось бы скандалом, ревностью или разделом де-

тей. Меньше всего на свете мне бы хотелось, чтобы страдали дети, разрываясь между отцом и матерью, между странами.

– Алисия, а какую фразу ты слышишь от Ларри чаще всего?

Девушка подняла голову, чтобы взглянуть на Таннера.

– «У меня идея!», – произнесла она почти с теми же эмоциями, что и Ларри обычно.

Говорю же, они идеальная пара.

Интервью завершилось, а я с удвоенным рвением принялась мыть полы.

Вот твоя участь! Принца захотела? Да кто ты такая? Чем заслужила? Знай сверчок своё место. И на том спасибо, отлично устроилась. За твоё место фотографа многие бы дорого дали. И зарплата хорошая, и живёшь не одна. Хоть и стыдно стеснять молодую семью, но места в двушке хватает. Люда и Костя уверяют, что я им ничуть не мешаю, а одной было бы невыносимо. Вот и смиряю свою гордыню.

А мама время от времени масла в огонь подливает:

– А с Андреем сейчас не общаешься?

Андрей давно уж женат, и мама об этом знает. Люда говорила, жена его уже беременна, вот-вот родится ребёнок. Об этом я маме не говорила. И так понятно, что она имеет ввиду: «Его женой могла бы быть ты, если бы носом по ветру не водила». Не из праздного же любопытства интересуется.

А мне вот совсем не жаль. И не могла бы я быть на месте его жены, потому что у каждого в жизни место своё.

И если бы даже наперёд знала, как всё закончится, ни за что не променяла бы счастливые несколько лет, что у меня были, на это «стабильно и просто».

Маме не говорю. Не поймёт. А другие не спрашивают. Боятся лишний раз сделать мне больно.

Между тем самое тяжелое и холодное время года – зиму – мы почти пережили. Не за горами был день рождения, и отмечать на моей новой работе принято было шумно и всей гурьбой. Пришлось расщедриться. Забронировали несколько столиков в клубе-кафе, заказали напитки. Я специально купила отличное платье – свободного кроя, короткое, ярко-синее, без рукавов. Люда помогла подобрать украшения.

Ушла из офиса пораньше на макияж и причёску. Настроение было отличное – наверное, впервые за эти три месяца. Я действительно смогла выдохнуть. Смогла сказать себе: «Хватит! Сегодня твой день. Прочувствуй его. Полюби жизнь».

Ветер был тёплый. А ведь это лишь пятое марта, самое начало весны. Но что-то в воздухе уже меняется. Как будто знаешь наверняка: всё худшее позади, теперь ждёт только тепло, зелень, солнце. Много солнца, по которому мы так уже истосковались.

Сколько же подарков и поздравлений я получила! И даже несмотря на то, что день был загруженным прямо с утра – нужно было снять моделей в новой коллекции бренда для сайта – я прямо светилась от радости.

Ещё получила письмо по электронной почте от Найла. Ве-

сёлую такую открытку с белкой. Музыкальную. Не знаю, где он её нашёл.

Кстати, с Найлом мы продолжали немного общаться, и это была моя единственная ниточка с прошлым. Ни слова о Ларри, хотя он и работал в его команде.

«Как успехи?»

«Я самый счастливый человек на свете. Мне дали три дня отпуска».

«Не жалует тебя начальство».

«Просто я здесь незаменим, ты же знаешь. Уйду – и всё встанет. Я, кстати, жду твоих новых работ».

«Это ссылка на сайт. Почти всё здесь – моё. Из последнего – новая коллекция. Кстати, скоро будем запускаться в Европе».

«В GB?»

«До GB пока не дотягиваемся. В Чехии и Румынии».

«Поздравляю! Ты едешь? Буду ждать снимков!»

«Пока не знаю. Намечаем открытие на апрель».

И всё в таком духе.

Ещё я узнала, что у Найла появилась любимая девушка и верный пёс – американский эскимосский шпиц Джек. Каждую неделю Найл исправно присылал мне фото питомца. Например, как он кормит его из бутылочки или просыпается под тяжестью его веса.

Это так отличается от русского менталитета. Ну, котам в домах это, конечно, позволительно, а с собаками – трудно

представить. Хотя, не спорю, может, и есть такие же любители, которые воспринимают собаку как брата, сестру или собственного ребёнка.

Кстати, о разности менталитета. Недавно увидела, как мать посреди улицы лупит ребенка, и все – ноль внимания. Для Британии это дико. Там к детям едва не с рождения относятся как к взрослым самостоятельным личностям: стучат, прежде чем войти в комнату, «сам уронил – сам подними» и никаких сюси-пуси.

Не берусь судить хорошо это или плохо. Но эта разность жизни и воспитания в том числе, которую я повидала в России и в Британии, очень мне нравится. Потому что теперь я знаю наверняка, что нет определённых критериев: это хорошо, а это плохо, это можно, а это нельзя. Всё зависит от контекста, от ситуации, от твоих внутренних убеждений.

– Этот тост я тоже хочу поднять за нашу Анечку! – подскакивая и оправляя коротенькое платье, вскинула бокал менеджер по продажам Юля – моя ровесница и очень хорошая девушка: гораздо более открытая миру и людям, чем я. – Ты красотка, ты это знаешь. Хочу, чтобы все твои мечты воплотились! Чтобы мужик тебе достался, как в фильме: добрый, щедрый, любимый, заботливый. Чтоб носил на руках и дарил всё, что хочешь: шубы, цветы, бриллианты…

Все засмеялись. Я не скрывала счастливой улыбки. Атмосфера была очень тёплой и не хотелось, чтоб праздник заканчивался.

– Чтоб нарожали вы с ним детей… – продолжала Юля.

– О, ну это ты уже далеко унеслась, – рассмеялась Татьяна Сергеевна – ещё одна наша коллега, на пятнадцать лет старше, поэтому строго по имени-отчеству.

– А что, я неправду говорю? Любой женщине, если она нормальная, хочется мужика нормального и детей. Всё остальное у нас, красивых и молодых, и так будет.

И тут зазвонил мой телефон. Он стоял на беззвучном режиме, но нужно знать, какой супермощный у него вибро-звук. Стол содрогнулся. Всё внимание вмиг приковалось к нему.

– О, это он, да? – первой сориентировалась Юля. – Мужчина мечты визуализировался?

Я засмеялась и перевернула мобильный к себе экраном, хотя и не собиралась сейчас отвечать.

И онемела.

Английскими буквами выведенное имя. Только три имени в моей телефонной книжке были записаны на английском. И с двумя из этих людей я сегодня уже пообщалась.

Это не мог быть… не должен был быть…

Но это был он.

Это был Ларри.

Глава 11

В горле мгновенно пересохло.

Может быть, это шутка?

Я не пила слишком много. Вообще почти не пила.

– Кто там? – не отставала Юля. И Люда, сидящая рядом со мной, нагнулась и через плечо всмотрелась в имя абонента.

Видимо, моё мертвенно-бледное лицо в тусклом свете кафе могла разглядеть лишь она.

– Что? – услышала в ту же минуту её негромкий, но полный неверия голос.

Значит, не кажется.

Он и впрямь решил поздравить меня с днём рождения?!

– Будешь отвечать? – тихо спросила Люда.

– Не знаю, что, – замечая, что всё внимание за столом наше, и оттого ещё больше смущаясь, пролепетала я.

– Давай, – протянула руку подруга. – Я знаю, что.

Не понимаю, как это сделала. Почему, вместо того, чтобы поговорить с ним самой (впервые за три месяца!), отдала свой единственный шанс в чужие руки.

– Лёсик, ты знаешь английский? – обернулась подруга к ещё одному дизайнеру – Лёше, всего на два года старше меня. – Поговори.

Лёша не стал упрямиться.

– Аллё, – бодро ответил в трубку. А у меня внутри всё оборвалось. Что же я делаю? – What? Who is Larry? I don't know, pal. Let her alone. Let her alone! Don't worry. I'll make sure she will be happy. Cheerio! – и передал мне телефон, пожав плечами: – Извини, тебе ничего не передал.

Я смотрела на потемневший экран – заставку с изображением летнего Лондона – и чувствовала себя предателем.

Шампанское сразу же выветрилось из головы, праздник словно утратил силу. Девчонки выпили без меня и теперь звали потанцевать. Я качнула головой, машинально бросив:

– Попозже, – и перехватила на себе пристальный взгляд подруги.

– Ты правильно сделала. Забыла, и нечего вспоминать. Давай лучше выпьем и пойдём к девчонкам.

Кивнула. Может, ей лучше знать. Если уж жечь мосты, то все до последнего.

Но что-то в груди сильно упрямилось. Что-то мешало мне веселиться. Что-то, что было сильнее меня.

– Я на минутку, – хриплым голосом бросила я и, не оглядываясь, бросилась к двери.

Может, Люда и догадалась, что я едва сдерживаю слёзы – она ведь хорошо меня знала, – но мне было плевать, что она может сейчас подумать. Плевать, сочтёт ли она это слабостью.

Я забрала в гардеробе пальто и, набросив его на плечи, сбежала по ступенькам вниз. У входа курили несколько пар-

ней. Я миновала их, завернула за угол здания и, наплевав на то, что стена холодная, прислонилась спиной и закрыла глаза.

Слёзы, словно почувствовав, что момент наступил и теперь можно, брызнули из глаз. Мне хотелось кричать. Забиться в угол и спрятаться от всего мира. Сбежать от проблем – самое простое средство, но оно ничего не решит.

Я уже сбежала. Иначе почему я в Москве?

Здесь, со стороны улицы, негромко играла иная музыка. Какая-то мелодия, отдалённо похожая на ту, что я пела когда-то в машине Ларри. Каким близким было тогда счастье…

Я знала её наизусть – эту песню. Так любила её. И фильм. Пересмотрела уже раз пять – и на русском, и на английском. Неужели наш с Ларри финал будет таким же, как у героев истории?

Закрыла глаза руками. А в голове вместе с громкой пульсацией сердца звучали слова:

City of stars
Just one thing everybody wants
There in the bars
And through the smokescreen
of the crowded restaurants
It's love.
Yes, all we're looking for
is love from someone else.

Вынырнувший из-за того же угла, что и я прежде, охранник прошёл мимо, бросив на меня лишь мимолётный взгляд, но через секунду вернулся и протянул упаковку салфеток.

Я взяла одну и благодарно кивнула. Видимо, совсем плохо выгляжу.

– Мне кажется, вам понадобится больше, – доброжелательно улыбнулся он, и от этого простого человеческого тепла мне стало легче.

– Хорошее у вас здесь обслуживание, – усмехнулась, доставая ещё один белоснежный бумажный прямоугольник.

Он кивнул и удалился, дав время побыть мне одной.

Я улыбнулась.

Не знаю почему, но вдруг захотелось смеяться. Может, это первая стадия сумасшествия: когда сначала рыдаешь, потом смеёшься?

Он мне позвонил!

Почему же этого не могу сделать я?

Я достала свой телефон. Позвоню сейчас и скажу, что… Что отходила, а ребята взяли мой телефон и решили пошутить. Я просто хочу услышать его голос.

Включи любую из его песен и услышишь.

Это совсем не одно и то же.

Ну поговорите вы, а что дальше? Думаешь, он скажет: «Покупай ближайший билет до Лос-Анджелеса, я тебя встречу?»

Это было бы так просто и так прекрасно.

«Наивная дура!» – отчитал меня собственный внутренний голос.

Ну разумеется, я наивная дурочка. Из тех, что показывают в сериалах, а ты сидишь у экрана и думаешь: «Ну как же так, ведь всё очевидно?!» Раньше и я так думала.

Теперь я не смотрю телевизор. Теперь я поняла, что и сама такая же.

Решила позвонить Мэй. В Лондоне ещё восемь вечера, а у неё сегодня вроде нет смены.

Ну не умею я сама принимать решения. Тем более такие важные.

– Привет! – ответила она с такой радостью, как будто мы не общались всего пару часов назад, и она только и делала, что ждала моего звонка. – Как проходит твой праздник?

– Всё хорошо, – пробормотала я и сразу же перешла к главному. – Мэй, Ларри звонил.

– Что??? Вы поболтали? Что он сказал?

– Нет, я с ним не говорила. С ним говорил другой парень.

– Какой ещё парень?

Сбивчиво объяснила. Судорожно выдохнула.

– Ты тоже думаешь, что я дура?

– А кто ещё так думает?

– Я.

– Ну, если честно… Я не знаю, чего ты добивалась – от этого всё зависит.

– Нужно было поговорить, – вздохнула я, плотнее запахи-

вая на груди пальто. Холод стал пробираться внутрь и оттого становилось физически неуютно. – С другой стороны, я такое себе напридумывала. Что мы бы поговорили, всё выяснили, и, может быть, помирились бы, – снова вздохнула. – А может и нет. У него ведь теперь новая любовь.

Сказала, ожидая, что Мэй что-нибудь скажет по этому поводу.

Она сказала, но несколько иное, чем я ожидала.

– Ты ведь видела? Пол всё-таки осуществил свою угрозу.

– Что?

– Ну да. Очень много всего было в прессе. Уже и не разберёшь, что там правда, что вымысел.

– А что ещё пишут?

Мэй не ответила. Почему-то.

– Я тебе сброшу ссылки. Ты не бери в голову. Сама знаешь, то, что случилось, уже не вернуть. Если судьбе угодно, она вас ещё столкнёт.

«Как, интересно?» – подумалось мне. Я ведь в России, а он в Америке. При всей моей необъёмной вере в чудеса, я понимаю, что этого просто не может быть.

Мы закончили разговор, и через пару минут я получила от Мэй на «Фейсбуке» ссылки. Сначала – несколько статей о том, что «бывший менеджер Ларри Таннера опубликовал секретный документ».

«..Этот контракт был заключен для того, чтобы Ларри не отпугнул фанаток своими истинными пристрастия-

ми…»

«..Русская девушка долгое время была лишь прикрытием…»

«..Но то ли Ларри умело скрывает свои истинные интересы, то ли это всё же ошибка, потому что никто не видел его в мужской компании…»

«..Возможно, истинной любовью Таннера всё это время являлся его друг и партнер Найл…»

Что? Закрыла страницу, не желая больше читать этот бред.

Не представляю даже, что чувствовал Ларри, когда увидел всё это. Может быть, Пол и его шантажировал?

И Найл ничего не писал. Когда это выплыло в свет? Почти месяц назад. Ну да, мы же с Найлом не обсуждаем всё, что касается Ларри. А я принципиально не отслеживаю новости о нём. Пока не сорвусь, как сегодня.

Даже несмотря на то, что в Америке к меньшинствам относятся едва ли не положительно, это был удар по репутации Ларри. Я могла лишь предположить, как он был подавлен. А меня не было рядом. Рядом была Алисия. Всегда, когда что-то плохое случается в его жизни, меня не бывает рядом.

Со скрипом открыла следующую ссылку. Видео. Вокруг не было ни души, поэтому я тихонько его включила, совершенно забыв о том, что меня, возможно, уже потеряли.

Это была любительская запись с какого-то концерта с огромным количеством просмотров.

Ларри, почему-то без гитары, стоял перед зрителями в тёмных брюках и светлой рубашке и говорил в микрофон, время от времени теребя волосы:

– Я живу в свете софитов и для меня это вовсе не проблема. Вы знаете всё, что происходит в моей жизни и всегда узнаёте первыми – через песни и интервью. Но есть недобросовестные люди, которые в каких-то своих корыстных целях пытаются привлечь к себе внимание, используя для этого не самые честные, скажем так, способы. Поэтому хотелось бы объяснить, какие это вызывает чувства, если кто-то пытается пересечь допустимую границу. Всему есть предел. И как бы мне не хотелось быть с вами откровенным, у каждого человека должен быть свой потайной ящик – место и люди, с которыми можно побыть самим собой: небритым, непричёсанным, в плохом настроении. Они это терпят, потому что знают тебя настоящего. Знают, что это пройдёт. Публика не так лояльна к чужим слабостям. У идеала не должно быть слабостей. Но я не идеал. Да, меня узнают на улицах, но это – неотъемлемая часть работы, причём довольно поверхностная. Я до сих пор теряю дар речи, увидев, сколько людей собирается на мои концерты не только в Лондоне – по всему миру. Сколько приходит на автограф-сессии, съёмки, смотрит клипы и скачивает альбомы. Для меня это важно, потому что я вкладываю в это душу, мысли, чувства. Мне важно, чтобы их по-настоящему поняли. И я бесконечно долго могу благодарить вас за то, что вы для ме-

ня сделали, но есть что-то, о чём я не хочу говорить. Наши отношения с Энн останутся лишь между нами, и то, чем это было на самом деле, не знает никто, кроме нас с ней и близкого окружения. Я знаю, что большинство из вас в сложившейся ситуации встали на мою сторону, и ваша поддержка, как и всегда, помогает мне двигаться дальше. И всё же, давайте постараемся держаться подальше от этой грязи, которую сейчас разводит СМИ на пустом месте. Спасибо. Давайте продолжим.

И вот ему приносят гитару, он перебрал два аккорда и начал петь. Видео завершилось.

Мэй подписала свой комментарий, когда прислала мне эту ссылку: «Он молодец. Не стал оправдываться и мусолить слюни: „Меня оболгали“. Сказал один раз как нормальный мужик и больше никаких комментариев».

Ещё три ссылки. Да сколько же всего произошло в его жизни за эту зиму?

«Не знаю, понравится ли тебе это, – подписала Мэй. – Вероятно, это решение американских продюсеров Ларри».

Открыла со скачущим сердцем. Несколько коротких видео – по десять-пятнадцать секунд.

«Энн и Ларри. Секретное свидание»

«Самая большая любовь Ларри»

«Ларри со своей девушкой на прогулке».

Открыла одно за другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.